

POBECHUK

На первой странице обложки: перемаяская демонстрация на Кубе, в колонне — учатся. Впрочем, это ясно с первого взгляда, не так ли? По карандашам в их руках.

Фото А. Шерстеникова.

2. А. Козлов. БОЯ, КОТОРЫЙ ОН ВЫИГРАЛ
4. Ю. Азаров. НЕУЖЕЛИ Я ВЗРОСЛЫЙ?
6. А. Асаркин, И. Газарлов. ...ПОТОМУ ЧТО СЕГОДНЯ ЧЕТВЕРГ
11. Луис Альберто Коралан. ВРЕМЯ ДЛИННЫХ ПИСЕМ
14. Елена Смольская. ЖИТЬ НА «ДИНАМИТНОМ ХОЛМЕ»...
17. Элеми Пайдусси. АВТОБИОГРАФИЯ В ВОСЕМЬ ЛЕТ
18. В. Настасьян. НИКОС ВЫБРАЛ ПРОФЕССИЮ
19. Роберт Поль Смит. — КУДА ТЫ ХОДИЛ? — ГУЛЯТЬ — ЧТО ТЫ ДЕЛАЛ? — НИЧЕГО — ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Мария Гриня. МЕДАЛЬ ЗА ПАМЯТЬ О ДЕТСТВЕ

«НЕУЖЕЛИ Я ВЗРОСЛЫЙ?»

и другие материалы о том, что делает на ребенка взрослого; о том, что позволяет взрослому сохраниться в себе детства.

ВАЛЬПАРАИСО. Стоимость обучения в местном «Университете Чили» за последние два с половиной года возросла настолько, что в текущем учебном году 130 студентов различных курсов вынуждены были покинуть его стены.

КАЛЬЯРИ. НАТО и напрямую Пентагон продолжают расширять свое присутствие в Италии. Атомные бомбардировщики в Сигоналле, ракеты в Виченце и районе Пизы, военно-морские базы в Специи, Неаполе и Аугусте. Наконец, крупнейшая средиземноморская база, предоставленная в распоряжение 6-го американского оперативного флота, на острове Маддалена. Сюда для ремонта и заправки заходят атомные подводные лодки. Кроме очевидной опасности, которую несут эти базы для Италии в случае возникновения военного конфликта, реально существует и со временем становится все очевиднее опасность радиоактивного заражения прибрежных вод. Демократическая Италия, профсоюз, молодежь ведут активную борьбу в поддержку принципов безопасности в Европе, борьбу против планов расширения опасного присутствия НАТО на территории страны.

На снимке: жители столицы острова Сардиния протестуют против планов НАТО: «Нети» — база НАТО на южном острове, «Нети» — развитие «по-маддаленски», «Дел» — настоящему экономическому развитию острова»

ПАНАМА. Полмиллиона панамцев учатся в различных учебных заведениях страны. Это означает, что каждый третий охвачен постоянно расширяющейся национальной системой просвещения.

В настоящее время, заявил министр образования Панамы Аристидес Рохас, речь идет не только о предоставлении населению более широких возможностей для получения образования, но и о воспитании национальных кадров, позволяющих обеспечить независимое развитие.

С этой целью правительство проводит перестройку системы просвещения, открывает школы с трудовым обучением, создает региональные центры-интернаты, содействует работе народных университетов. При помощи общественности претворяется в жизнь программа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения.

НЬЮ-ЙОРК. По сообщению газеты «Дейли уорлд», в конце прошлого года серьезным сокращениям подверглись бюджетные ассигнования Нью-Йоркского университета. В ответ на студенческие требования увеличить субсидии власти пригрозили, что станут покрывать их нехватку за счет увеличения платы за обучение.

На снимке: демонстрация студентов и преподавателей. «Банки отзывают университеты» — предупреждают плакаты.

МОСКВА. В советских вузах ныне обучаются 20 тысяч студентов из социалистических стран, сообщили нам в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР. За последние годы все большее их количество избирает своей специальностью такие направления науки, как ядерная физика, электроника, кибернетика, счетные машины.

Самыми первыми заграничными студентами нашей страны были монгольские юноши и девушки в 1920 году. С тех пор советские вузы подготовили для социалистических стран 50 тысяч специалистов различного профиля.

ТОКИО. Здесь закончила работу юбилейная конференция Лиги социалистической молодежи Японии, посвященная пятнадцатой годовщине организации.

Около двух тысяч делегатов, собравшихся со всех концов страны, обсуждали в подкомиссиях актуальные задачи борьбы за права трудящейся молодежи в условиях острого экономического кризиса. В заключительный день работы конференции на пленарном заседании были подведены ее итоги.

Особое внимание было уделено вопросам усиления идеологической работы лиги, воспитания рабочей молодежи в духе принципов марксизма-ленинизма.

ГАВАНА. I съезд Коммунистической партии Кубы в числе других принял резолюцию о проведении XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване летом 1978 года.

В документе выражена признательность за высокое доверие, оказанное народу и молодежи Кубы молодежным антиимпериалистическим и демократическим международным движением, избравшим Кубу местом проведения очередного молодежного форума.

Проведение XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов совпадает с 25-й годовщиной штурма группой молодых патриотов во главе с Фиделем Кастро казарм Монкада, который открыл новую эру в революционной борьбе кубинского народа.

Предстоящий фестиваль — первый в Латинской Америке — влечет еще одну блестящую страницу в замечательную историю проведения этих высших, самых представительных форумов молодежи. Он станет смотром молодого поколения борцов за мир во всем мире, против империализма, колониализма и расизма, явится мощным стимулом для всего нашего народа в успешном строительстве нового общества.

ХАНОЙ. С начала нового учебного года на юге Вьетнама открылось две тысячи средних школ, в которых учатся 900 тысяч учеников. Общее количество школьников, студентов и учащихся техникумов во Вьетнаме превышает ныне семь миллионов человек.

На снимке: прием в члены пионерской организации имени Хо Ши Мина в одной из школ города Дананга.

ВСЕМИРНЫЙ
МОЛОДЕЖНЫЙ
ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ
МОЛОДЕЖНЫЙ
ТЕЛЕГРАФ

ВАРШАВА. С начала 1976 года дважды в месяц польское телевидение транслирует передачи из цикла «Решение пятнадцатилетия». Передачи цикла призваны помочь ученикам старших классов в выборе их будущей специальности.

БУДАПЕШТ. Исполком Всемирной федерации демократической молодежи призвал молодежь мира активно бороться за прекращение гонимости вооружений, за разоружение.

В документе, принятом Исполкомом, говорится, что новые позитивные изменения в международной жизни, характеризующиеся поворотом от периода «холодной войны» к периоду разрядки, открывают широкие перспективы упрочения мира и международной безопасности.

Эти важные достижения являются результатом последовательной и настойчивой миролюбивой политики Советского Союза и других социалистических стран, успехов борьбы рабочего класса и демократических сил в капиталистических странах, национально-освободительных движений, всех миролюбивых сил.

Успешное завершение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписанный на нем Заключительный акт имеют большое значение для оздоровления климата в Европе и в других частях мира, создают новые возможности для решения важных задач нашей эпохи — установления прочного мира и безопасности на планете.

Прогрессивная и демократическая молодежь мира, подчеркивает Исполком ВФДМ, должна и дальше активно выступать за развитие и углубление процесса разрядки и разоружения, за мир, безопасность и сотрудничество.

БЕРЛИН. В одном из новых районов столицы ГДР открылись школы имени Сальвадора Альенде и Пабло Неруды. Работя, которые учатся в них, приняли обязательство работать и учиться так, чтобы быть достойными имен, которые носят их школы. Они участвуют в кампаниях по сбору подписей за освобождение Генерального секретаря Коммунистической партии Чили Луиса Корвальена, организуют митинги в защиту чилийских патриотов. Пионеры школы помогают и заботятся о своих друзьях и одноклассниках — молодых чилийцах, новой родной которых стала ГДР.

На снимке: пионеры берлинской школы имени Сальвадора Альенде.

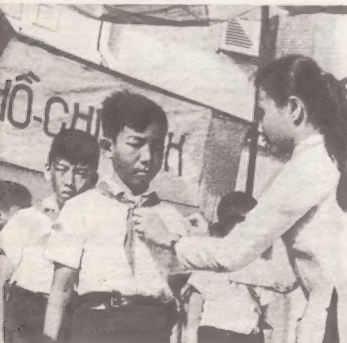

Рис. Г. Финнлповского

Хосе, Хосе, а вдруг все-таки Фима еще жив, ползанка?.. И все могло быть сейчас по-иному? Мы снова бродили бы по арбатским переулкам, слушаем бы, как скрипит под ногами снег, а ты сидела бы у меня дома, в тепле, и слушала музыку, и ты говорила бы: «Никто так не передаст ощущение снега, как Чайковский: его легкость, холодность, звонкую грусть». Тебе, человеку южному, почему-то особенно нравился снег. Поддавая козылишки фартук, ты варила бы кофе по-королевски и рассказывала о своей матери. Ты везла и ней, как всегда, ненадолго, так как лечу куда-нибудь спеша, а она не могла привыкнуть к этому и тихо плакала. Мать вставала на рассвете, чтобы испечь тебе лепешки-тортальни на дорогу. Брала мяс, варила его, добавив немного меду, а потом, когда клевкая масса остывала, ехала на мальчищу и молола ее. Вернувшись домой, она старательно мыла ее руками, отгряла ладонью тортальни, хлала их на раскаленный глянцевый противень. Ты лежала на кровати и смотрела, как она легким прикосновением пальцев превращалав пшенице, высокие и румяные тортальни. Они встали! Она заворачивала их в чистую тряпку, чтобы подошве не остывала, и хлала вместе с солью в ладоную корзинку. Она знала, что ты любишь тортальни с солью, как твой рано умерший отец.

О себе же ты всегда рассказывала скупо. Только раз протокрмилась, сказала, отчего ноет душа: «Хорошая была девушка. Но врад ли я нас могло что-нибудь получиться. Я сказала ей об этом прямо. Я сказала, чтобы она ушла. Она ушла. И правильно сделала. Какой из меня семьянин...»

В твоих словах была горечь утраты, но все же ты никогда не сомневалась в правдивости сделанного. Это было первое, что тогда поразило меня в тебе. В ущерб себе ты отказывалась от того, что другие считают своим по праву. А ведь я знаю: ты не была аскетом, наоборот — ты была изысканно по натуре. Просто твоя легкораняемая душа не омертвела, не ослепла, хотя вокруг было столько жестокости, крови, алжи и андемира, подлости и предательства. Ты не хотела, чтобы из-за тебя страдал дорогой человек, и отводила от него возможное в будущем горе, предчувствуя, что в такой борьбе может всякое случиться.

«У нас в Гватемале слишком много горя», — говорила ты. — Немало моих товарищей, которых я хорошо знала, попало в руки полиции. О них с тех пор ни сауху ни дуку, и никто из родных и близких даже не знает, где их могли, чтобы поплакать над ними. В горах встречаются груды костей, скрученных проволокой, кандалами, проволоками, цепями. Это тоже безымянные братские могилы — без памятных, без крестов, без имен, и некому оплакать убитых, кроме ветра и дождя.

Ты не ждала себя, чтобы стало меньше горя на твоей родине. В Москве тебе было хорошо, и это видел. У тебя были друзья. Но когда тебе предлагали остаться учиться — да, ты мечтал об этом, — ты подумала и отказалась. Уехала. В Гватемалу, где тебя ждали, где было тяжело, где ты была нужна. Поехала окольными путями, тайно перебралась через границы, с помощью папстуков, крестьян, рыбаков, рискуя где-нибудь поглотить случайно, гаупо. Помнишь, я сказала тебе об этом прямо. Но ты ответила так, будто тышк раз все обдумала и давно решила про себя:

«А умики смертей не бывает. Всякая смерть гаупо. Она приходит всегда в самый неподходящий момент, всегда застает человека в пути. Хорошо, если в самом конце или хотя бы в середине, и плохо, когда в начале пути. Но все же это лучше, чем медленная деградация...»

Потом ты стал перечислять имена известных и известных героев, поэтов, революционеров, которые погибли в самом начале или в середине пути, но все же успели оставить по себе добрую память в сердцах людей.

...Хосе действовал решительно, смело и логично. Несмотря на превосходство полицейских в числе, он сумел навязать им свою волю и заставлял их делать то, что ему было нужно. В безнадежном на первый взгляд положении он подал такую стрельбу, будто собрался вести бесконечную войну. Такую стрельбу, что на нас бежали и те полицейские, которые обязаны были стоять двор. Этого и добивался Хосе. Когда путь через чужой двор был открыт, он велел Луису уходить вместе с Учителем. (Ему то что бы то ни стало надо было уйти — того требовали интересы общего дела, того требовали и решения их организации.) Учителю удалось незамеченным выскользнуть из дома, перебраться через стену во двор соседней виллы — и так, перебрался через заборы, он ушел все дальше от места, где развратилась нервная схватка. А Хосе остался, чтобы выиграть время, чтобы дать ему уйти как можно дальше.

Хосе и в одиночку мог выиграть несколько спасательных минут, но их могло не хватить. Луис подумал об этом и остался — чтобы явным выиграть время, а может, второе больше времени. И они выжидали у смерти драгоценные секунды — столько, сколько могли. Они знали цену этим секундам.

Первым ушел Луис. Хосе бросился к нему, но Луис был убит мачовала — пуля попала в висок. Хосе поднял его пистолет и, перебегая от окна к окну, стрелял, стараясь не дать полицейским проникнуть во двор и броситься по салу Учителя.

Но и в этот критический момент он, я знаю, не терял надежды, чуть ловил приближение того мгновения, когда сможет броситься вниз по лестнице, во двор, перемахнуть через стену и бежать, бежать... Пусть-ка попробуют поймать. Он отчаянно представляла себе каждое свое движение, каждое усилие, скорость и стремительность беге, не бета, полета и свободе.

Но острая, беспощадная боль возникла в груди. Она качнулась и стала быстро-быстро падать вверх, а ты уже у самых глаз, сверкнула, как снег, медленно оскалила стену. Ноги и руки вдруг стали латинными, слабость разлилась по всему телу. Хосе стало страшно: а вдруг не успел Учитель?

Вспрыснул стехла. Наступила залосцевая тишина. Он услышал крадущиеся шаги, скрип деревянной лестницы, увидел два бледных лица и хотел поднять пистолет, но рука не слушалась. Полицейские осмелев и подошли вплотную. Теперь он видел только их ноги. Постояв около него и Луиса, они принялись деловито раскапывать по комнатам, шарить по шкафам и шкапам, раскипая что-то по нарамкам, суетясь, как воры. Потом один высунулся из окна и крикнул:

— Сенор лейтенант, тут только двое.

Хосе почувствовал, как его тащат по лестнице, но ему уже не было больно.

Его окружали полицейские. Хосе поискал глазами Учителя. Не увидев его, ощутил облегчение. Он не простил бы себе, если бы Учитель схватился. Сейчас же он себя ни в чем не упрекал и ни о чем не жалел. Он сделал что мог, и совесть его была чиста и перед собой, и перед товарищами. Это было главное, и ему было от этого хорошо, хотя и умирал он в начале своего пути.

Он был еще жив, когда его доставили в сумрачное здание. Его везли заборончю все полицейское управление. Злобардств не было границ. Еще бы, за ним охотились столько лет. Были выданы самые искусные врачи, чтобы не дать Хосе умереть раньше, чтобы попытаться вырвать из него признания: полицейским нужны были имена, явки, пароли. Его пытали на смертном одре. Он молчал до конца.

И

инфантилен ли Дон-Кихот? Иногда и я сейчас задаю себе этот вопрос, хотя мне уже больше сорока. Не сленюсь, пожалуйста. Детство для меня — синоним творчества, неукротимого стремления к самостоятельности, время удивительных открытий, непосредственности, прекрасной весенней раскованности. Детство, как и творчество [такие термины употребляют зарубежные психологи], — это, если хотите, даже не возраст, а скорее особое личностное состояние человека, открывающего для себя вечно обновляющийся мир. В нем могучая тайна несомненности человеческой энергии, бесконечная одухотворенность и сокровенность надежд человека.

НЕУЖЕЛИ Я ВЗРОСЛЫЙ ?

Есть, конечно, в детстве и другая сторона — беспомощность, капризность, своеволие, недомыслие, некоторая хвастливость и то, что принято называть инфантилизмом.

Для меня Дон-Кихот — воплощение прекрасной детскости. Для него нет вопроса: сражаться или не сражаться. Он не так ставит проблему. Она в его воспаленной, восхитительной, именно дон-кихотской голове ставится так: если есть зло, надо сразиться. Когда в человеке просыпается Дон-Кихот [«Дайте мне копьё и шпалу, я уничтожу врагов, даже если они — эти враги — ветряные мельницы!»] — это, однако, вовсе не свидетельство его беспомощности или инфантилизма. Это скорее проявление неутраченной детскости, юности, той прекрасной смелости, без которой не может быть утверждения высоких нравственных идеалов.

И, заметьте, как прекрасно и чисто влюбляется Дон-Кихот! На Дульцинесе у него действительно сошелся свет клином. Ибо любовь и красота — это то, без чего не может быть настоящего идеала. А детство всегда состояние некоторой влюбленности, томительного счастья ожидания любви, дружбы, совершенно идеальных форм товарищества.

Наши зарубежные друзья, авторы этого номера, справедливо отмечают, что от того, какими было детство, зависит вся дальнейшая судьба человека. Но это, конечно, не та прямая зависимость, следуя которой можно было бы утверждать, что если детство было жестокое, то и человек будет жестоким.

Помните, как Чехов в юности, почти в детстве, однажды утром проснулся и ощутил себя совсем другим человеком, не мелочным и униженно-подленьким, угнетающим всем, а человеком, которому вдруг нестерпимо понадобилось сбросить с себя противные одежды своего омерзения, своего прежнего «я». Считлю, что именно в это прекрасное утро и родился подлинный Чехов, родился взрослый человек, сохранивший навсегда всю прелесть и все достоинства творческой детскости. Родился великий гражданин страны.

А разве можно представить себе Пушкина, который для многих наших современников является идеалом Человека, без той удивительной легкости общения, без наскоков его непосредственных и светящихся остроумием и талантливостью шуток, без игры фантазии и воображения! И как гармонично сочетались в поэте — еще в детские годы — детская взбалтывающая беззаботность с подлинной высокой гражданственностью. Вниму я рядом с ним умные фигуры чиновников, с лицами, позолоченными, как замечал Гоголь, на плохом выпеченный хлеб, презиравшим детскую изловчатость поэта, и заключаю для себя: «У них не было детства. У них была преждевременная взрослость...» Стой!

Вот где загадка на тему, что такое взросление. Детскость и взрослость. Детскость и преждевременное старение. Преждевременная, скучная, серо-тоскливая, расчетливая юная старость.

...Их лылые головы блестяли, словно спелые дыни на солнце, на которых, как сострили однажды известные юмористы, так и хотелось написать какое-нибудь слово химическим карандашом.

Владельцам «антипричесок» было по пятнадцать лет. И собирали они свои кудри отчасти в качестве вызова, а отчасти — с намерением утвердить новый стиль.

И о чем бы я ни говорил с этими ребятами, они упрямо твердили: «Нет справедливости на земле». И когда я настаивал на том, чтобы мне объяснили, в чем же несправедливость, — они бодали воздух крутизной своих бритых голов и замечали: «Нас ругали, когда у нас были длинные волосы, теперь называют сумасшедшими за то, что нет волос!»

на стр. 10 ►

— С ним дружить! — говорят девятиклассница своей подруге. — Ну, этот же несовершеннолетний. Какая прическа, а эти старомодные штаны! Неужели не мог сам раскешить!

И не замечает в парне иные достоинства — его настоящую увлеченность кибернетикой, познание, — ему и дела нет до штанов, до своей внешности. А в этой девятикласснице сидит, видимо, заскорузлый, унылый чиновник, презирающий детскую влюбленность Дон-Кихота.

— Защитить товарища! Выступить против несправедливости! — рассуждает десятиклассник. — Да я не такой дурак, чтобы лезть на рожон. Мне еще экзамены выпускные сдавать: рано ссориться с педагогами.

И в этом парне сидит та же прежнеевременная чиновничья «возросленность».

Под «разными небесами» люди взрослеют по-разному, но во всех уголках Земли взросление сводится к одному — к становлению Человека. А пути этого становления каждый раз свои.

...ПОТОМУ ЧТО СЕГОДНЯ ЧЕТВЕРГ

А. АСАРКАН
Фото И. ГАВРИЛОВА

Вот, вот, всматривайтесь в эти картинны поближе, водите по ним носом, попытайтесь заглянуть за них, просверлите стену — надо же наконец узнать, куда деваются эти дети после своего детства, после нескольких лет гениального рисования. Одни — в академики, герои, мореплаватели, плотники. Другие... Железные инертинки, уставившие очни в кроссворд, расторопные калымыши и соображающие на троих философы, скандальные домохозяйки, объявляющие городу и миру, что расширяли им испортила настроение, — но не художники, нет, ни по профессии (такие, впрочем, вообще не в счет), ни по духу. А в прошлом у них такая же нежность, чуткость, независимость взгляда и мысли при классической упорядоченности формы (назовем это чувством художественного приличия: рисующие дети отказываются от многих соблазнов, которым так слабодушно поддаются взрослые, маскирующие свою несмелость), такое же инстинктивное благородство, как у этих, поголовно умных, талантливых и честных (хотя, наверное, за пределами рисования — дома, в школе, на улице — они не таковы, или таковы же, но в формах, не столь приятных для глаза и более трудных для понимания), куда что все подавалось?

Человек с черными усами (искусствовед, а полагаю) сказал: — Дети рисуют, чтобы передать в рисунке то, что не могут выразить словами.

Ну вот и смотрите. Угадывайте. Эта всемирная выставка — неиссякаемый источник для размышлений. Там есть рисунки и на заданную тему, есть сделанные под руководством — и все равно в каждом — тайна. Миллионы уникальных подлинников день за днем изготавливаются за кухонными столами («Сдвигая свое рисование, обедать пораньше» или в специальных эскизных беспримесно, беспринципно и без всяких амбиций — просто потому, что сегодня четверг.

«И мы всех поздравим и пожелаем им Очень Приятного Четверга».

— А что, собственно, произойдет в Четверг? — спросил Кролика. Но надо сначала объяснить всемирность. 5 сентября 1974 года редакция газеты «Пионерская правда» (совместно с ЦК ВЛКСМ, Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, ВЦСПС, Министерством культуры, Министерством просвещения, Союзом художников и Академией художеств СССР) объявила, уже в третий раз, международный конкурс детского рисунка под девизом «Я вижу мир». За год было получено 300 тысяч рисунков из 73 стран. Два месяца шел отбор. Полторы тысячи составили выставку, показанную этой зимой в

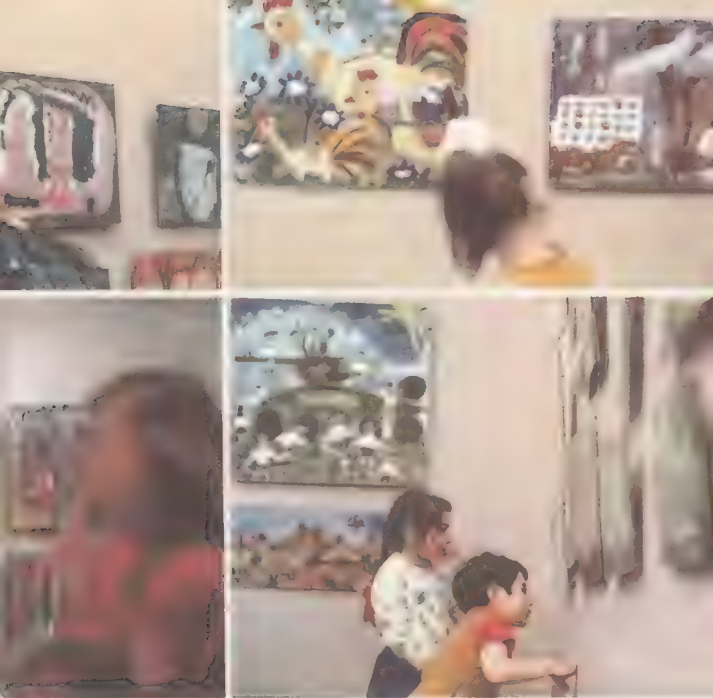

Москве, в Академии художеств, потом в Русском музее в Ленинграде и так далее — она еще и сейчас где-то путешествует. Здесь вы видите снимки, сделанные на выставке в Москве. «Рисунки, не прошедшие на эту выставку, — сообщают устроители, — стали экспонатами других выставок, которые мы организовали в школах Москвы и других городов, в московских кинотеатрах, часть рисунков отправлена на выставки в Грецию, ФРГ, Японию, Австралию». Грядущее предприятие, как видите. Ему можно вообразить и, чего доброго, будут сами писать статьи о своем творчестве, лишая нас последних иллюзий насчет них и насчет самих себя. Было время, когда с детьми занимались рисованием педагоги, желавшие возможно скорее привить им «правильные» навыки; теперь это считается насилием над природой, педагоги поощряют детей и созданию собственного мира и только осторожно помогают им сохранить достигнутый уровень (последнюю есть дети, которые убегают от трудностей в свое еще более раннее детство), современная наука сформулировала все,

так сказать, технические законы детского рисования и располагает огромным запасом психологических наблюдений с массой спорных и беспорядочных истолкований (ни большинством детских рисунков нарисовано солнце, — пишут организаторы выставки, — и чем младше художник, тем оно ярче... — пусть так!), — а тем временем дети на кухнях и в студиях, на настенных стенах и песчаных отмелях рисуют просто так, как у них получается. В странах тропических и полярных получается у них все почти одинаково (вы всегда опознаете детский рисунок), а в одной комнате у двух детей из одной семьи и при прочих равных условиях получается все невероятно разнообразно, оригинально, индивидуально. Нарисованы предметы окружающего мира, но ни один не «срисован» — все изобретено, все клячено из самого творческого процесса; в их глазах не «натура», а берг очарованный и очарованная даль. Как величайшие художники всех времен и народов, они не выразили бы это словами, даже если бы и могли.

«— Кролики, он унылый! — сказал Пух в раздумье.
— Да, — сказал Пятачок, — Кролики, он хитрый!»

— У него настоящие Мозги.

— Да, — сказал Пятачок, — у Кролика настоящие Мозги.

Наступило долгое молчание.

— Наверно, поэтому, — сказал наконец Пух, — наверно, поэтому он никогда ничего не понимает.

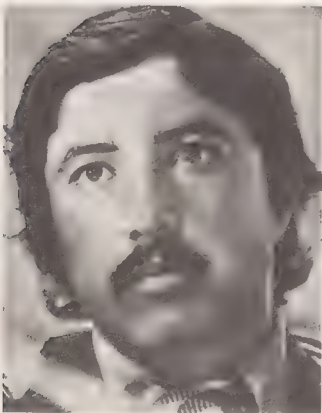
Но и дети историчны. Как, впрочем, и вся природа. Уже и дубы шелестят не так, как во времена Робин Гуда, а машет, их и вовсе вырубил. Все важно, что есть в нас, корректируется тем, что мы — это мы. Ребенок проходит в своем развитии все стадии и тому подобное, но в XX веке он их проходит не так, как в десятом, потому что скорость прохождения та же (поправку на экспансию мы вносить не будем), а сами «стадии» спрессованы, и культивированы по требованиям более интенсивной «агротехники». А одной из «стадий» является он сам, ребенок, — ему надо пройти свое детство как социальную функцию, сыграть свою общественную роль, а она с тех пор, как Руссо открыл и ребенок человека, все усложняется и разветвляется, и ребенок это чувствует, этим тоже «корректируется» не только его сознание,

но и всякий его перебитый инстинкт. Слишком смело было бы утверждать, что ребенок рисует то, что от него ждут (я не имею в виду специально обучаемых), но он рисует не от одной лишь «природы», а еще и «от» цивилизации, культуры, духа своего времени. Когда от ребенка не ждали ничего (лет сто назад весь мир впечатлений, которыми взрослые окурмали детей, не давал детям проявлять себя так, как теперь), то, вероятно, и само детское рисование было отчасти другим, и даже «моторность» детской руки была иной. Теперь же, приходя на торжественную, грандиозную выставку рисующих детей и всматриваясь в рисунки, мы отталкиваемся в них, мы составляете с ними одно культурное целое (что и подчеркнул автор этих страничек), и плодотворно само ваше желание разгадать эту загадку, хотя проникнуть в этот мир и заманчиво, и нереально трудно. Но главное, это нужно больше вам, А детям.

Детям же нужны карандаши, фломастеры, краски, бумага, свободное место за кухонным столом и чтобы их не трогали, потому что сегодня четверг.

ВРЕМЯ ДЛИННЫХ ПИСЕМ

В последнем номере подпольной газеты Коммунистической партии Чили «Унидад Антифасиста» («Антифашистское единство») за 1975 год сообщается, что руководством партии принято постановление о посмертном награждении Луиса Альберто Корвалана медалью «Луис Эмилио Рекабаррен» за его героическую революционную деятельность в течение столь короткой жизни.

Чуть ранее «Унидад Антифасиста» опубликовала очерк, посвященный Луису Альберто Корвалану.

«Мы должны надеяться и верить, что такое положение вещей не будет вечным. И тогда мы пойдем, что в недалеком будущем мы вновь будем сидеть за одним столом: наш отец, ты, сестры, моя жена... И тогда все настоящее отойдет в воспоминания. У нас будет такое стремление жить полной жизнью, что не останется места ни для боли, ни для запямятства. Будет только желание стать лучше и еще больше любить друг друга».

Тот, кто писал это, любил жизнь.

Писал юноша, энергичный, отдавший свою голову учебе, а руки — труду. Он трудился всюду. Соорудил в концлагере классную комнату, сделал для нее мебель. Он был примерным сыном и отцом. Письмо, строки из которого приведены выше, было написано в концентрационном лагере Чакабуко, расположенном в заброшенном шахтерском поселке на севере Чили, в пустыне. Поселок вокруг заминирован, по колючей проволоке, огораживающей его, пропущен электрический ток, чтобы заключенные не смогли совершить побег. Человека, готовившего себя не к злопамыстству, пытали на Национальном стадионе до тех пор, пока не сочли мертвым. Пытали потому, что он отказывался сказать, что не любит своего отца.

Его звали Луис Альберто Корвалан.

Сын Луиса Корвалана и Лилии Кастильо, он родился второго августа 1947 года. Он был первым и единственным сыном в семье.

В октябре 1947 года, когда ему было всего три месяца и его мать еще ощущала последствия тяжелых родов, агенты Гонсалеса Видалы разыскивали его отца. Это была политическая полиция того времени. Один из агентов взял младенца за крохотные ножки и стал бить его по груди и по лицу, стараясь таким образом заставить мать выдать место, где скрывался Луис Корвалан.

...Несколько лет спустя Лилии Кастильо, взяв малыша за руку, направилась в бюро расследований с целью узнать что-либо о муже, который был сослан в лагерь Мелина.

Луис Альберто поступил в школу под другой фамилией. Он не имел права носить фамилию отца, находившегося в подполье. Мальчика тогда звали Луис Кореа.

В воскресенье, 26 октября 1975 года, в квартире Лилии зазвонил телефон. Из Софии звонил Хулио Алегрия, бывший посол Чили в Болгарии.

— Я должен сообщить тебе нечто ужасное. Даже не знаю, как начать... У Луиса Альберто был приступ.

Рядом с Алегрия находилась жена Луиса Альберто Рут Вускович. Она была настолько потрясена, что не могла говорить. Она попросила к телефону одну из сестер мужа. Так была получена эта страшная весть.

Мать Луиса Альберто сразу же направилась в концлагерь «Трес Алямос». Это не был день посещения, но, рассказав о постигшем ее горе, она получила разрешение на свидание с мужем.

Муж, едва увидев ее, тотчас же забеспокоился:

— Что?.. Что случилось? С ним, да?

— Лучичо, я делаю то, чего никогда не хотела бы делать. Я говорю... У него был приступ...

— Он умер! — вскрикнул Луис Корвалан.

В апреле 1971 года Луис Альберто Корвалан начал работать в Корпорации содействия развитию (КОРФО)¹. До 30 сен-

¹ Луис Эмилио Рекабаррен — один из основателей Компартии Чили. Медаль его имени учреждена в 1972 году, в год 50-летия основания чилийской конституции. В июле этого года исполняется 100-летие со дня его рождения.

² Государственным органом, руководившим национализацией и промышленным производством страны.

января 1973 года он вел активную деятельность под руководством профессора, служащего КОРФО Александра Плонка. С 1 октября вплоть до ареста Луис Альберто входил в профессионально-техническую группу КОРФО. Он был включен в эту группу благодаря своему добрососедскому отношению к работе и высокой квалификации агронома.

В середине ноября 1973 года он был арестован и доставлен на Национальный стадион, где его подвергали непрерывным пыткам. Свидетели этого зверства вспоминают, что у карателя было одной целью, как заставить его отречься от отца. Но он не отгласил. И тогда палачи прибегли к более жестоким пыткам.

Когда его тело болело в судорогах под разрядами электрического тока, они прижимали его сапогами к полу и продолжали пытать.

Однажды ему стало совсем плохо. Пытавшие подумали, что он мёртв, и выбросили его тело за стадион.

Через несколько часов его нашли товарищи. Они сделали все, что могли, и Луис пришел в себя. Участники этой драматической схватки за жизнь говорят, что, если бы молодой Корвалан остался лежать один еще немного, ему бы уже не удалось выжить.

А в это время его жена находилась в заключении в Каса Корреспонсаль. Она пробыла так до 31 декабря 1973 года. Затем она вместе с сыном выехала в Мексику.

Тем временем Луис Альберто переехал в лагерь Чакабуко, где он провел в заключении одиннадцать месяцев. Это было время длинных писем — отцу, матери, сестрам, жене. Эти письма позволяли теперь увидеть, каким он был наедине с собой, а значит, таким, каким он был в жизни.

Над этими письмами корпел лагерный цензор, пытаясь решить, что же ему убрать в них, а что оставить. Потом их читала те, кому они были написаны, переживая все чувства, которые умеют между собой людей надежды и безнадеежностью. Теперь можем прочесть их мы.

Вот отрывки из писем Луиса Альберто Корвалана, человека, не отрешившегося от своего дела, а в от отца

ПИСЬМА СЫНА

ПИСЬМО МАТЕРИ. 10.XII.73

«Мама! Приближается рождение. Скоро всего наше положение и тому времени не прояснится, а у нас не будет возможности праздновать рождение так, как мы делали это раньше. Но все-таки, я думаю, что ты должна приготовить праздничный ужин для Марии, Виктории и Визамы¹, рассказать им о высоком человеческом достоинстве, о мире, который должен царить между людьми. Я думаю, что отец тоже хочет, чтобы для вас, как и для всего мира, эта ночь была бы ночью любви и спокойствия. Давайте о нас и сохранийте веру в то, что скорее раньше, чем позже, мы снова будем вместе, совсем рядом и будем семейной нежностью заглаживать раны, которые наносит нам сейчас жизнь».

Далее Луис пишет, что готовится стать знаменитым футболистом футбольной команды Чакабуко.

«Я уверю вас, что через пять лет и один день я смогу войти в состав национальной сборной команды и защищать честь Чили за рубежом. Как видите, мама, человек способен жить в любом месте и при любых условиях».

ПИСЬМО ОТЦУ

(ДАТА НАПИСАНИЯ ВЫЧЕРКНУТА ЦЕНЗУРОЙ)

«Отец! Я до сих пор не получаю твоих писем. Но я не волнуюсь. Я знаю, что ты самый мужественный из мужественных, что твои слезы неоскисаеми. Эта вера в тебя, лучшего из лучших, говорит мне, что ты преодолеешь любые преграды, какими бы сложными они ни были. Мои спокойствие порождено также достоинством и мужеством моей матери, сестер и жены.

Я видел их спокойными, сильными, уверенными в будущем. Они терпеливо ждут нашего возвращения».

Далее он пишет: «Вот период заключения является для меня еще одним, ценным, великодушным уроком. Я многому научился здесь. Я отчетливо видел, как проявляются человеческие качества, глубоко познал человека, открыл огромное богатство его души. Я научился ценить его неиссякаемые силы. Я горжусь своим поведением. И еще больше горжусь мужеством Рут и моей матери».

ПИСЬМО ОТЦУ. 4.1.74

«За занятиями спортом, столетним делом и чтением книг время бежит незаметно. Когда, о столетнем ремесле. Вчера, когда я мастерила стол, один приятель спросил, почему я забыла гвозди, немного наклонив их. Я рассказал ему, что ты меня этому научил, что вместе с моим дедом ты строил дом, когда мы жили в Ла Систерна».

Может быть, это странно, но сейчас мне кажется, что человек сделан из других людей. Нет сомнения в том, что многие из моих слов и жестов — это твои слова, твои жесты. И я, естественно, горжусь этим».

ПИСЬМО ОТЦУ. 9.1.74

«Наступил новый год. Должен сказать тебе, что для меня он начался удачно. Моя жена снова на свободе. Ну как? Отличная новость, дружище! Когда я получил телеграмму, мне показалось, что вся пустыня устлана цветами, что ночью мерцали на небе белые жемчуга... Я получил ее шесть дней назад и все еще прыгаю от счастья».

ПИСЬМО ЖЕНЕ РУТ. 21.1.74

«Дорогая Русита! В тот день величественное солнце наполнило жизнь теплом! Я заключил случай знакомых в университете. Этот решающий день в нашей жизни я встретил с большой радостью, с желанием пить и плакать. Да, гораздо раньше мы покаялись в вечной любви, но в этот день все рождалось заново. Сама волнующая обстановка говорила о том, что это самый важный день».

Шесть часов вечера. Твой отец, твоя мать, мои родители, наши братья и сестры, наши дедушки и бабушки, наши друзья... Мы сидим в столовой нашего дома, дома, который был свидетелем рождения и прощания нашей любви. Слушающий во конторы записки актов гражданского состояния, его книга с десятком чистыми страницами. Помню, я успел сосчитать их. Наши подписи, наши поцелуи, наши объятия, объятия наших родителей, наполненные нежностью. Затем мы проводили твоего дедушку. Праздник в доме моей матери. На нашу первую ночь в то новое пробуждение там в Пирне. Первые молодые супруги. Проходят месяцы. Декабрь. Наш первый сын увидел свет. Наша жизнь с Диего, первые дни молодой семьи. Любовь моя, нет слов, чтобы передать мои чувства и чтобы никто не подумал, что это боль».

Русита, то, что я чувствую, это любовь к тебе, к нашему миру, к нашим родным и близким, любовь к жизни. Каждый день приносит мне все большую уверенность в том, что накопленный нами опыт жизни перерастает в нашу победу, что наша семья будет еще крепче, что вперед у нас — зрелость чувств, отвага и мужество, желание жить настоящей жизнью. С каждым днем мы все яснее отличаем правду от лжи, хорошее от плохого. И чувствую, что с каждым днем мы становимся все ближе и ближе, все больше делаем друг друга. «НЕТ!» — разлука. Расстояние сближает нас. Между нами пролегли многие тысячи километров, но наши чувства — это нерушимые узы, объединяющие нас».

ПИСЬМО ОТЦУ. 27.1.74

«Я сделал своими руками больше половины всей мебели в доме, где мы живем: стол, скамьи, стулья, шкафы и полки. Должен сказать тебе, что я всецело поглощен столетним делом. Наш дом, где живут еще семеро моих приятелей, один из лучших в лагере».

(Кстати, в этом доме побывал кардинал Сильва Энрикес, он был восхищен мебелью и похвалил его жителей за стремление сделать свою жизнь более спокойной.)

ПИСЬМО ОТЦУ. 28.1.74

«Я уже полностью преодолел тенденцию «жить бы жить», а точнее, «прожить время». Должен признаться, что раньше я не мог этого сделать. Но теперь я стал более требовательным к себе и устремил все своей азор и энтузиазм на, если так можно сказать, кампанию по использованию времени для подготовки к будущему. Я полностью отдаю себя этому делу. Я отбросил некоторые из имеющихся у нас книг, отложив в сторону те, которые служат лишь для развлечения. Сейчас, как никогда раньше, я испытываю жажду учиться».

ПИСЬМО ОТЦУ. 6.1.74

«Мои занятия английским языком подвигаются попутным ветром. Ежедневно я занимаюсь им полтора часа вместе с друзьями и около часа сам. Кроме того, я начал повторять и более глубоко изучать математику. Когда я получу мои книги по животноводству и сельскохозяйственным культурам, я буду заниматься семь-восемью часов в день».

¹ Сестры Альберто. Их в семье было четверо — один сын и три дочери.

ПИСЬМО СЕСТРЕ ВИБИАНЕ. 18.IV.74

«К сожалению, я не смог научить его (сына) ходить. Но я надеюсь и верю, что скоро буду находиться рядом с ним и помочь ему познать мир и жизнь... Я представляю его себе в два, в четыре года. Взяв за руки свою маму и бабушку, он бежит по лугам, пляжам и горам. Все трое смеются и наслаждаются свободой, полноценной жизнью. Вот такой предстает перед заключенными свобода».

ПИСЬМО ОТЦУ. 11.IV.74

Освободившийся отбыванием изъём желудка у отца, он пишет: «Надо копать курить и лезть буллон из коровьих голов». (Это выражение употребляют политические заключенные, когда хотят сказать, что нужно меньше думать о своих проблемах и не обращать внимания на трудности. — Прим. ред.) «Ешь овощи и пей молоко. Оно помогает освобождению... Не обращай внимания на мои шуточки, дружище. Я бываю серьезным, лишь когда учусь. В настоящее же время я просто благодушен... Но если говорить серьезно, то я изучаю экономику и животноводство. Ежедневно я уделяю занятиям восемь часов. Если в скором времени меня не выпустят отсюда, человечество потеряет одного из самых мудрых ученых в области сельскохозяйственных культур и всяких других растений».

ПИСЬМО К ОДНОЙ ИЗ РОДСТВЕННИЦ ЖЕНЫ. 29.IV.74

«У меня около 30 учеников. Своими силами я создал классную комнату и проживу в ней по восемь часов в день. В настоящее время я занимаюсь общеданными лагерными делами, мечтаю, вспоминая моих родных. Чтобы ты поняла, из чего состоит моя жизнь здесь, скажу тебе, что раньше Чакабуку являлся шахтерским поселком. Сейчас это маленькая страна, где есть бытовое обслуживание, где проводятся культурные мероприятия, существуют производственные мастерские, различные общеобразовательные курсы, и прежде всего это страна, где царит солидарность, товарищество, достойное поведение, настойчивость по преодолению различных ограничений для заключенных. Одним словом, Чакабуку — это живой, растущий человек, который смеется, и плачет, и борется за достижение заветной звезды с красивым названием «Свобода».

ПИСЬМО ЖЕНЕ. 30.IV.74

«Любимая моя Руситал! Мне стало известно, что, когда ты одевалась, некий Дон-Жуан целует твою ногу. Кроме того, мне рассказывали, что он уме чистить ботинки и зубы. Конечно, на первый взгляд твой Дон-Жуан — человек с претензиями. Я знаю также, что он чертовски красив, умеет изображать лошадей, собак, кошек и т. д. Не знаю, на кого похож этот «мечник», но передай ему, что он вводит нечестную игру. Он пользуется тем, что его отец в тюрьме, и хочет украсть у него жену. Как счастливы отец, когда ему рассказывают о шалостях сына».

Я продолжаю заниматься. С каждым днем к все больше времени уделяю учебе. Растет моя уверенность в том, что я создаю наше будущее счастье. Учеба для меня — новая форма моей любви к тебе, новая форма желания взять на руки нашего маленького сыночка, обнять тебя».

ПИСЬМО ОТЦУ. 11.VI.74

«Я продолжаю занятия английским, немецким, высшей математикой и статистикой. Кроме этого, я самостоятельно изучаю животноводство и экономику».

ПИСЬМО ОТЦУ. 11.VII.74

«Получил письмо от жены. Пишет, что у нее все хорошо, что твой звук просто восхитителен. Он может подражать всем животным, рисует, очень любит футбол. Я верю, что скорее раньше, чем позже, мы сможем собраться за одним столом и поговорить о шалостях твоего знука — моего сына».

Его предчувствие сбывается. Но не совсем.

ПИСЬМО ОТЦУ. 28.IX.74

«В аэропорту я вновь увидел моего сына. Он уже почти большой. Сначала он смотрел на меня с безразличием, но через несколько часов мы уже были друзьями. Я его отец. Мне пришлось дважды отругать его за мокрые штанишки».

Такого он был. Таковы были его радости и печали.

Но письма говорят еще и о большем — о том, каким он являлся, потому что учил. И наконец, телеграммы сообщают, что изнуренная молодёжью Чехословакии его матери, выражает в какой-то мере чувства тысяч и тысяч юмешей и девушек, которые не смогли их выразить непосредственно родителем Луиса Альберто:

«Уважаемая сестра Коралия! Примите наше глубокое чувство сожаления по случаю безвременной кончины Вашего любимого сына Луиса Альберто, друга нашей молодежи. Мы знаем, что ничем не заглушить боль матери, потерявшей сына. Но мы заверим Вас, что Луис Альберто всегда будет являться для нас примером молодого коммуниста, патриота, интеллигентного человека. Мы обещаем Вам, что всегда будем достойно помнить Вашего сына, что будем верны идеалам, за которые боролся Луис Альберто. Скоростная смерть помешала ему достичь цель, которой он посвящал всю свою молодую жизнь. Храним память о нем, мы продолжим борьбу за то, чтобы над его родной страной развевалось знамя мира и свободы».

ПИСЬМА ОТЦА

Через две недели после фашистского переворота, 26 сентября 1973 года, был арестован Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили Луис Корвалан. В августе 1974 года его жена, Дили Кастильо, говорила корреспонденту итальянского журнала «Опона»: «С тех пор я видела его трижды — 21 мая, 23 июня и 6 июля. Было разрешение еще на одно свидание, но я не смогла им воспользоваться. Я была тогда на севере, в Чакабуку. Там в коңцлагере сидит мой сын Луис Альберто. Не могла же я разорваться...» Мало было встреч. Но письма с острова Досон иногда приходили.

ПИСЬМО СЫНУ ЛУИСУ АЛЬБЕРТО С ОСТРОВА ДОСОН

«Всего несколько дней назад я получил весточку от твоей матери и твоих сестер. У них все в порядке, они спокойны. Когда у солдата есть прочный тыл, он может бороться спокойно и быть готовым ко всему. Что касается меня, то я учусь, усердно учусь. А еще я работаю, обтачиваю черные базальтовые камни...»

Сегодня твоему сыну Диего исполняется столько же лет, сколько было тебе, когда нас преследовала диктатура Гонсалеса Вияллы в 1949 году, и я был сослан в Писагуа. Это время прошло. А значит, и сегодняшние черные туши будут разогнаны в единством их народа. И твой сын будет расти в новом обществе, которое всем принесет счастье».

ПИСЬМО ДОЧЕРИ ВИБИАНЕ С ОСТРОВА ДОСОН ПОСЛЕ ТОГО, КАК ЕЕ ИСКЛЮЧИЛИ ИЗ БАЛЕТНОЙ ШКОЛЫ

«Теперь, дочурка, я понимаю, что для тебя значил балет. Нет, нет, никаких утешительных слов я говорить не буду. У нас сейчас трудные времена, но мы должны выстоять, иначе это будет поражением на всю жизнь. И наборот — если мы выстоим, это будет нашей заслугой, это нам поможет в жизни... Но что же тебе сейчас делать? Всякое дело, дочка, почетно. Важно лишь в каждом деле всегда учиться. Быть может, тебе удастся выехать за границу, но это должна решать ты сама и с решением этим не спешить. А пока попробуй заставить себя чем-нибудь другим; а может, ты сможешь устроиться в какую-нибудь частную школу — ведь так важно не терять тренировки».

Наше настоящее положение тяжелое, трудное, болезненное. Но мы не должны впадать в отчаяние. Это самое худшее, что может произойти, потому что это означало бы наше самоуничтожение. Мы должны иметь силы, стойкость, достоинство, чтобы идти вперед, чтобы наслаждаться завтрашним днем, наполненным радостью от сознания того, что мы смогли преодолеть все сегодняшние трудности. Тебя обнимает и целует твой отец».

ПИСЬМО ЛУИСУ АЛЬБЕРТО

«Я думаю, что в Болгарии ты и Рут сможете многому научиться и прежде всего тому, что имеет непосредственное отношение к вашим профессиям. Ты знаешь, что сельское хозяйство в Болгарии очень развито. Я уверю, что ты сможешь присутствовать там для того, чтобы как можно больше познакомиться с технологией, руководством предприятий, со всем тем, что касается экономических и социальных процессов в области сельского хозяйства. Болгария многому может научить нас. Я, в свою очередь, научил французский и могу читать любые книги на этом языке. Умение читать на иностранном языке приносит огромную пользу в учении. Мне кажется, что ты должен изучить болгарский и русский языки, а также углубить свои знания в английском. Тогда ты будешь в курсе всего происходящего вокруг, по крайней мере, в курсе всех научных достижений в мире».

Переведено с испанского А. ЕВДОКИМОВ

WITB- 11A
"DYNAMITE"
"COME"

октябре 1970 года в Нью-

Йорке была арестована и брошена в тюрьму являющийся борца за социальные права человека, коммуниста Анджела Дэвиса. Этот арест вызвал бурю протеста во всем мире, повсюду проходили митинги солидарности с Анджелой. В результате этой широкой кампании в 1972 году Анджела Дэвис была освобождена. Она побывала в Москве, выступала с рассказами о своей борьбе и во Дворце пионеров перед представителями почти всех московских школ.

Недавно в США вышла книга Анджелы Дэвис «Автобиография». Рассказ-исповедь всегда интересен. Рассказ такого человека, как Анджела, чья жизнь стала для молодежи примером, интересен особо. Потому что это рассказ о трудном, драматичном, непримиримом и тем особенно прекрасном пожелании к вершинам мужества и веры, об обстоятельствах, преодолении которых делает маленькое человеческое сердце богаче.

А вообще-то покажу она была просто девочка. Ей бы играть в кукол да шушукаться с подружками, да капризничать за обедом, да носить большие красивые банты. Ей бы быть как все девочки в любом конце белого света, елан бы... Елан бы эта девочка не родилась в гордой своим богатством, а заодно своей демократичностью стране — Соединенных Штатах Америки, где такой пустяк, как цвет кожи, ашвет обыденными делами и мальчиков возможности быть общими с детьми, где... Да что говорить! Кто из читателей «Ровесника» не знает, как относится к играм в США? Анджела рассказывает, как она жила в этой атмосфере ненависти, как просто в ответ познать всех и вся, как заманчиво ослабление неуспеваемости мечтой стать такой же, как те, белые, как легко за хитроумной выдумкой разделения людей на белых и черных не заметить другого разделения: на богатых и бедных. И как трудно, как неизмеримо трудно приходило понимание истоков расовых предрассудков и логики борьбы с ними.

Анджела Дэвис прошла этот путь — через инстинктивную, безрасудную ярость ребенка, через сомнения и боль.

Обо всем этом она вспоминает в своей книге.

Анджеле пять лет:

«Не так-то уж и далеко было от места, где мы жили прежде, до нашего нового дома на вершине холма. Но не числом кварталов измерялось здесь расстояние».

Заостренный государством жилищный комплекс на Восьмой авеню, откуда мы уехали, представлял собой спящие одиночьи краснокирпичные домики. Лишь на расстоянии от этих каменистых бочаров проталкивалась островок зелени, вроде маленькой заплатки на асфальте. Когда не видны ни земли, ни неба, плоды или цветы все равно не вырастали, сколько ни старайся. Зато там у нас были друзья, зато там расцвела дружба.

В 1948 году из этого района мы переехали в другой, в том же городе Бирмингеме — на Центр-стрит, в большой деревянный дом, там и сейчас живут мои родители. Крпня у него остроконечная, со шпилькой, крыша успела обветшеть, и чем-то изломанным дом с приподнятым жалом уна была вокруг него мова. Сразу же за не-

шим участком начинался лес с фиговыми деревьями, кустами ежевики и большими дикими яблонями, кругом простор, никакого асфальта. Да и улица была просто нетронутой полосой оранжево-красной алабамской глины. Наше жилище было только своим необычным видом: лишь в нем одном не таилась ненависть белых к черным — мы были первыми черными на весь этот белый район.

Все тогда я знала, что во ту сторону улицы живут не такие люди, как мы, хотя не понимала, что различия в цвете кожи. От дачных прелестей соседок они отличались хужеством лиц, намеренной гадостью с неприязнью и во замечать, когда мы играли, нас «тавили» и «переваривали» суровая пара, некие Монти, жившие в доме напротив, ленив напролет сидев на крыльце. Не сводя с нас попутешествий от ненависти глаз.

Сначала сразу же после нашего переезда белые соседки окруживших домов решили отгородиться от нас порогами цинте косяки. Эти дачные маркиции стала Сент-стрит. Нам дала понять, что, пока мы будем сидеть слабо по своему старому месту, они «тавили» и «переваривали» нас, а кому-то из наших пересел укажу — и начнется аэриальная война. Пришлось спрятать в шкафу и в шкафу и в шкафу.

Каким-нибудь полсотни метров отделила нас от этого района невесты, но мы пролазили между кустами и яблонями. Иногда являла отблеск в школе, где работала учительницей, чтобы приспирывать за младшим братишкой Бени, а тому же она ждала появления на свет своей сестры. Но по утрам отбывала на работу, оранжевого цвета фураге в детский сад и спешила на работу, на ставило технического обслуживания автомобилей.

Вскоре после нашего переезда в этот район, на холм, белые стали покидать его, а на их место прибывали семьи черных. Черный священник по фамилии Джейкоб купил дом, соседний с владением стариков Монти, демократическая линия была тем самым нарушена.

Дело было под вечер весною 1949 года. Я готовилась к завтрашнему утрунному визиту к своей первой учительнице в маленькой комнате грязь со шнурков для туфель. Вдруг наш дом содрогнулся от взрыва. Пузырьки с лекарствами попадали с полозья, их осколки усыпали пол. Сам пол стал куда-то уходить из-под ног, я бросилась на кухню и прижалась к перпендикулярной стене.

Но холм поднимался группами черные, они столпились на нашей, «черной», стороне улицы и с гневом смотрели на обломки взрывного дома Джейкобов. Пришла ночь, в они все говорили об этой смерти, о ненависти белых, слова о смерти, слова о боли, слова и слова о смерти. Только об одном они не говорили — о своем страхе. Да его и не было: семьи черные продолжали переселяться. И вскоре взрыв здесь стал таким привычным делом, что нашу округу прозвали «Динамичными холмами».

Могла ли родиться в такой обстановке ответная ненависть? Она должна была родиться. Но, какой бы естественной ненавистью ни был, она урочет, и ты понимаешь родители Анджелы: «Чем сильнее наша округа погружалась в это море ненависти, тем становилось сильнее сопротивление и сопротивление, мое, своему переселу, что белые белых против черных отнюдь не в природе вещей. Нет, говорила мне мама, напротив, бог заставлял людей любить друг друга, ненависть белых к нам не есть что естественное и вечное. Она знала, что, когда я подымаю ее в телефоне («Мам, там тебя какая-то белая леди»), я не просто отмечаю неприязнь для нашего уха протяжный говор белых, что-то другое у меня на уме. Потому как всякий раз, произнося «белая леди», «белый господин», слова эти и выговариваясь, я чувствую, как пытаюсь уловить нечто, погасить эту злобу. По роду своего занятия она часто сталкивалась с белыми, по-

настоящему преданными делу улучшения межрасовых отношений, она боролась за освобождение узников Скоттс-буро вместе с белыми, среди которых были коммунисты. Занималась политической деятельностью, но не понимала, что белые могут быть враждебными к черным, что могут существовать различия в цвете кожи. И свою маленькую дочь, сознание которой оттождотило ненависть в смелости, мама всеми силами старалась научить видеть в белых не тех, кем они были, а какими они должны, могут быть. Но я никак не могла видеть в том, о чем они говорят».

Когда на нашем холме поселилась уже достаточно много семей черных и у меня появились друзья, мы придували сажи, как защитит свое детское достоинство. Нашим оружием было слово. Мы собрались на кулачки у нашего дома белая дорога, и когда мимо шла машина с белыми, мы дружно выкрикивали бранные клички: «Красные белы! Шкура дубленая!» — так сами белые называли своих же бедняков, голы перекрутку, а других слов мы не знали... И хотела потом до истерички над удивленными лицами проезжих. Родителей я не посвящала в эти игры. Я боялась, что они не поймут, как важно мне, всем нам, только что открывшим для себя существование расизма, найти способ отстоять свою гордость».

Детский протест. Навязный на первый взгляд. И в то же время это был единственный способ утвердить себя, отстоять свое детское достоинство.

Но девочка чувствовала — есть в этой игре нечто то сомнительное, что-то такое, что не одобрял бы родители. И в этом неосознанном чувстве — залог будущего понимания опасности «расизма наоборот», который буквально называлась черному населению Америки ненавистью белых сограждан.

Не менее строгим испытанием детской души было другое.

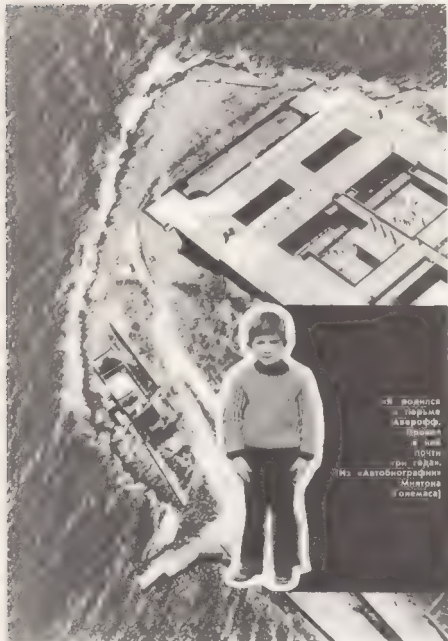
«У меня и у друзей моего детства, — рассказывает Анджела, — вырабатывалась особенное отношение к миру белых. С одной стороны, в нас росла безотчетная ненависть к отращиванию и тем, кто мешал осуществлению всех наших желаний — от самых пустых до самых великих. А с другой, росло безотчетное же чувство ревности, зависти. Это чувство зависти не покидало меня и тогда, когда я начинала взрослеть. И все же я отлично помню, как в разгар детских лет в одноклассники решила, что некогда, на прилавке обстоятельств (и в этом и была предельно авторитетна) не позволю себе даже на минуту помыслить изменить свой цвет кожи. Но, конечно же, в те моменты, когда мне предавались мистическим мечтам, когда же ладони не разбавлялись о различных заплатах, когда я видела перед собой грядущее обновление с моими принципами, я придувала себе такую фантазию, я прикуривала в тонкости и в тонкости, я прикуривала в тонкости и в тонкости в городах аттракционов, или куда там мне надо, получая сплоша все удовольствия, в потом устраивая грандиозный, вызывающий зависть пересел, расставая, срывая с себя личину белой, ладно кожу, обшивая всех дураками...»

А что же дальше? Дальше школа жизни, школа формирования классового самосознания, куда более сложная, чем постижение законов грамматики и арифметики хотя бы потому, что в этой школе решать многие задачи надо самой. Удивительно точно и тонко прослеживает этот процесс в своих воспоминаниях Анджела Дэвис:

«Еще до поступления в начальную школу я начала читать, писать, считать. Но зато в первом классе я поочередно для себя вещи более глубокие и важные, чем чтение и письмо. Я учила, что можно быть толковым и не иметь возможности наесть досыта, можно заваривать — и не

АВТОБИОГРАФИЯ В ВОСЕМЬ ЛЕТ

Элени ПАЙДУССИ

та комната в скромной афинской квартире многое рассказывает о своем хозяине. Маленькое пианино, книги, аккуратно разложенные на столе, настенные плакаты об антифашистской борьбе в Греции — можно было бы по-

думать, что здесь живет юноша, а не восьмилетний мальчик, если бы на кровати не лежал игрушечный медвежонок.

Да и сам Милтон Големас обычно серьезен, опрятен, разве что после футбола он приобретает домой разгоряченным и шумливым. Он старается говорить лаконично и точно, гордится своими знаниями: еще бы — ведь Милтон одновре-

менно и школьник, и художник, и музыкант, и поэт. Милтона любят все, кто его знает.

Он дает мне почитать «Автобиографию».

— Автобиографию? Но ведь ты еще мальчишка, — говорю я.

— Это так, — серьезно отвечает он. — Но я и не собираюсь публиковать ее сейчас. Обойду до старости. Но я начал ее писать потому, что был политическим заключенным еще до своего рождения. Я родился политзаключенным.

Что можно было сказать на это? Вот первая страница «Автобиографии», написанная детской рукой.

ЧАСТЬ I. МОЯ ЖИЗНЬ В ТЮРЬМЕ

Я родился в тюрьме Аверрофф. Провел в ней почти три года. Мои родители были политическими заключенными. Посреди тюремного двора росло чахлое дерево, а рядом стояла часовня. У матери были подруги среди других женщин-политзаключенных: Маргарита, Селия, тети Димитра и другие.

В тюрьме жила черепаха, мы звали ее Влуви. Была и ищерица. Однажды, когда мама стирала, я прошел рядом и увидел ищерицу. Она подпрыгнула и испугала маму, а меня нет. В нашей камере было очень тесно. В окно не было стекол. И дождь, и снег всегда попадали в камеру. Один из охранников, который относился ко мне хорошо, иногда бросал мне шоколад со своей кухни.

Я забыл сказать, что я был шафером на свадьбе у мамы и папы во время их венчания в тюремной церкви.

Когда я подросток, я стал серьезнее. Я начал ходить в школу, изучать музыку, я стал поэтом, художником и коммунистом.

Во время фашистского военного переворота 1947 года долго скрывавшиеся Элени Вулгари, мать Милтона, и Вабис Големас, его отец, были арестованы и приговорены к длительному тюремному заключению. Элени, которая уже ждала ребенка, дали 10 лет.

Элени и Вабис находились в одной тюрьме, но им не разрешали свиданий. Пока они были подпольщиками, об оформлении брака в церкви не было и речи (гражданская брачная церемония в Греции считается незаконной). Но в тюрьме, в тюрьме, им назначивали венчания. Среди охранников нашлись, однако, добрые люди, которые согласились передавать Элени и Вабису афински друг от друга. Так мать и отец «разговаривали» о родившемся в тюрьме ребенке. О Милтоне нежно заботились все 700 женщин-политзаключенных.

Когда Вабис был переведен в камеру, находившуюся как раз напротив камеры Элени, через двор, все заключенные, и мужчины и женщины, старались помочь ему увидеть своего маленького сына. В усюсеренное время мальчика подняли к окну камеры, в которой он содержался вместе с матерью.

— Это был самый трогательный момент в моей жизни, — вспоминает Вабис. — Одни товарищи держали доску, на которой я стоял. Другие следили за дверью камеры, третьи отталкивали разговорам внимание охранников. Наконец я получил условный сигнал. За оконной решеткой уселся на противоположном конце двора я увидел силуэт маленького человека. Мои сердце оборвалось. Я за-

«Милтон, ты меня избил, сынок? Это я, твой папа!» Голос у меня дрожал, я почти хрипел, но Милтон улыбался. «Папа, папочка!» И забился в плачи. Я стал кричать, потеряв контроль над собой, и тогда товарищи стащили меня вниз.

— Подготовка к этому «свадьбному» отпущению у всех нас много сил и времени, — продолжает рассказ Эвелин, — а Бабушка не сдержалась и все испортил Милтону тогда было уже два с половиной года. Слово «папа» он слышал от меня и по-другое все время и хорошо знал. Я встала на табурет и подкинула сына к окну. По-другому меня поддерживали. Другие наблюдали за камерами и коридорами. За долгие годы в тюрьме мы научились всяким предосторожностям. Но вот Милтон услышал слово «папа» и расслабился. Робокон ведь... Мы нервничали сами, и ему передавалось наше состояние. Пришлось поскорее опустить сына на пол, потому что, если бы нас засекла охрана, всему пришлось бы худо.

— Да, это был незабываемый рождественский подарок, — говорит Бабис и улыбается.

Милтон слушает воспоминания родителей внимательно и серьезно. Я спросила его, помнит ли он что-нибудь о том эпизоде. В ответ он лишь пожал плечами.

Но я помню всех моих тетушек, — сказала он. — Там у меня было много тетушек, и только одна мама называлась мамой, если я когда-нибудь расстраивал ее. Она говорила: «Милтон, сиди здесь, у кофки стола, и не шуми, а ты придешь стражник и запрет нас в карцер».

Тюремное заключение не могло не сказаться на здоровье Милтона и его матери. В Афинах и за границей была патча кампания за их освобождение. В результате ребенка удалось вызволить

на волю. Его определили в детское ясли, а спустя еще год вынули из тюрьмы мать Эвелин, которая тоже была политической заключенной, и она вышла инка к себе в деревню.

Бабушка всю свою жизнь тоже боролась против фашизма. В войну написти убили ее мужа, ее дочь, двоюродного дядю, и она омылась без крышки над головой с тремя маленькими детьми на руках. Не один раз побывала она и в тюрьме.

Милтон часто приставал к ней с вопросами:

— Почему я родился в тюрьме? Что я сделал?

Милтон спрашивал об этом в три года, сразу же после освобождения.

— Какое преступление совершила папа и мама? — спрашивал он, когда ему было четыре, ведь кто-то сказал ему, что тюрьмы созданы для преступников.

Многие годы велась международная кампания за освобождение Эвелин Вугар. По телевидению Германской Демократической Республики было рассказано о ее жизни и борьбе, о том, как власти отклоняли апелляции за апелляциями, о том, как ухудшалось состояние ее здоровья.

В 1972 году после долгих мучств и прощений Эвелин и Бабису было наконец разрешено жениться в заключении. По этому случаю Милтон был доставлен в тюрьму, где он родился, чтобы присутствовать на церемонии. Об этом он помнит. Он рассказывает, как стоял на яшике, держа венки над головами родителей, как их потом вновь развели по разным крыльям тюремного здания, как он еще долго стоял один на высоком яшике, потому что его веком было спать. В это время Милтону было пять лет.

Мать Эвелин и на минуту не прекра-

Пауза.

— Моя мама теперь уже такая же старенькая, — говорит наконец Никос, постукивая пальцем по фотографии, на которой видна старушка в черном, с коротко стриженными покрутой узкой улочке уставлого мула.

Вот тогда-то мы и разговорились на личные темы

— Мы жили в деревне, и отец был из крестьян. Но известен он был на всю округу как мастерской, каменицы. Работал он без простов — с утра до ночи, потому что и спрос на его искусство всегда был большим, и нужда заставляла. Нас десятеро было в семье... Когда сейчас вспоминаю о детстве, то переосмысливаю о том, как мечтал о школе, об образовании, о профессии адвоката... Тебя это удивляло? А на самом деле все просто: у нас один из деревенских выбился в адвокаты, так перед ним мотвор за десять лет кепки снимали. Вот, думаю, и мне так бы устроилось...

— Ну и как, устроился?

— Еще как. В десять лет пас овец, а тринадцать подался в город, где поступил в ученики сначала токаря, потом фрезеровщика, ювелира, маляра, штукатура... Пуд соли съел, пока окончательно понял — на роду тебе, Никос, написано стать строителем. Как отец.

«Все, как у многих, складывалось в судьбе Никоса. Так и мучают мальчишек во многих странах — там, где жизнь одного человека зависит от других, где почти невозможно преодолеть; и вот по одну сторону — безоблачная зашито-

чала борьбы за освобождение дочери — ездила в Афины к официальным лицам, писала конгрессменам США, видным зарубежным деятелям, в иностранные газеты. И заботилась о Милтоне, чье здоровье оставалось желать лучшего.

Только в 1973 году освободили Эвелин, а затем — в 1974 году — и Бабиса. Наконец-то семья объединилась.

Мать Эвелин говорит, что она теперь впервые в жизни счастлива, хотя и очень больна. Рядом с ней теперь дети и много внуков, которых она раньше никогда не знала. Некоторые из них освобождены из тюрьмы, другие вернулись домой из социалистических стран, где им было предоставлено политическое убежище. Она улыбается, и ее глаза светятся спокойствием, умом и любовью. «Еще так много надо сделать, — тихо говорит она. — Так много...»

Да, Милтон для своих восьми лет прошел через много тяжелые испытания. И, глядя, как он гонит мяч вместе с мальчишками, бегает и кричит как любящий восьмилетний мальчуган, невольно спрашиваешь себя, многие ли его сверстники могли бы написать в своих автобиографиях: «Когда я подросток... я стал поэтом, художником и коммунистом».

ЧАСТЬ II. МОЯ ЖИЗНЬ НА СВОБОДЕ

(От редакции. Эта часть еще не написана. Да в общем-то и неважно, напишет ли ее Милтон когда-нибудь, — не у всех у нас хватает настоящей восты дивниции. Важно, что жизнь идет и будет прожита более счастливо. Поручку тому трудная жизнь и борьба родителей Милтона и их друзей; поручку тому то знание жизни, та зрелость, которую Милтон приобрел в свои первые восемь лет.)

Перевод с английского Г. ЧЕНЕВ

ность, власть, простой и такой естественный доступ к образованию, культуре, путешествиям, а по другую — измучительный и бесконечный труд, разрывающий душу мечте о покое

— Я ведь и коммунистам пришел на сразу. Когда-то я даже и не знал ничего о них. Для меня политическая жизнь началась с Ламбраниса — депутата парламента, врача, правдолюбца и народного заступника. В 1963 году, после зверского убийства Ламбраниса, трое молодых ребят создали организацию «Молодые ламбраниды». Скоро в ней было уже 250 человек; я стал одним из активистов. Был на моем пути еще один человек — коммунист Тержакис. В те годы, когда демонстрации встречали пулями, Тержакису, как одному из руководителей профсоюзного движения, удалось достигнуть невероятного: на пик террора пришелся пик профсоюзной борьбы. Рабочие, и прежде всего мы, строители, добились-таки значительных уступок. Конечно, тогда я не мог и догадываться, что у нас с Тержакисом общая судьба, — мы встретились с ним в тюрьме на острове Порос

— Никос, сегодня ты на свободе. И ты, как я знаю, занят вместе с товарищами прежним делом: делом борьбы за права тех, кто трудится, за их свободу, за осуществление надежд каждого. Ну а как мечта; ты ведь не стал адвокатом?

— Да уж, не получилось из меня законника. Но мы, коммунисты, считаем себя защитниками людей труда. По-моему, это не менее почетная профессия. Как ты считаешь?

В. НАСТАСИОН

Никос выбрал профессию

Никос Скофакис предстал перед нами как член Афинского городского комитета Компартии Греции. Судя по характеру его работы, по тому, что он о ней сам рассказывал, Никос должен был быть человеком общительным, готовым легко и свободно говорить даже с незнакомыми. Ему ведь часто приходится это делать. Но по началу разговор едва клеился. Мне кажется, я понял тогда причину: я ведь пытался говорить о нем, а Никос привык говорить больше о других и о деле, которое его с другими объединяет. Вот тут-то нам и помог альбом фотографий, изданный еще до падения власти черных полковников.

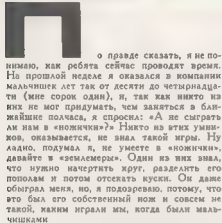
Снимки на одном развороте были такие: патриархальная сельская сцена, вид на Афины с пыльного полета, цветущие апельсиновые деревья, таин на столбах уличных. И подпись: «Как жаль, что, глядя на эти снимки, читатель не может ощутить аромата цитрусовых, принудительно мешающегося с запахом отработанных газов танковых двигателей; как жаль, что он не может услышать прекрасных мелодий Эллад!»

Скофакис хмыкнул и сказал:

— Действительно жаль... Я-то, правда, все это ощутил. Афины с пыльного полета я впервые увидел в день ареста. Я тогда прятался от охраны на самой верхушке строящегося дома...

- КУДА ТЫ ХОДИЛ ? - ЧТО ТЫ ДЕЛАЛ ? - НИЧЕГО

Роберт Поль СМИТ,
американский писатель

о правде сказать, я не понимаю, как ребята сейчас проводят время. На прошлой неделе я оказался в компании мальчишек лет так от десяти до четырнадцати (мне сорок один), и, так как никто из них не мог придумать, чем заняться в ближайшей почасе, я спросил: «А не сыграть ли нам в «ножички»? Никто из этих умников, оказывается, не знал такой игры. Ну ладно, подумала я, не умеете в «ножички», давайте в «землемеры». Один из них знал, что нужно начертить круг, раздвинуть его пополам и потом отсекать куски. Он даме обиграл меня, но, я подозреваю, потому, что это был его собственный ном и совсем не такой, каким играли мы, когда были мальчишками.

В наше время велась разговоры, что отец и сын должны быть друзьями. Еще одна глупая теория, которую придумали взрослые. Мы, наоборот, считали, что взрослые наши враги, и, если чего-нибудь отцу лез к нам в приятели, мы были уверены, что он либо спит, либо шпюнит. Мы учились всему у других ребят. Стоишь, бывало, и смотришь, как большие мальчишки, лет девяти-десяти, играют в «ножички», переминаются с ноги на ногу, вытираешь нос рукавом, подтягиваешь штаны и ношешь: «Ну дайте мне, ну дайте равнок», пока не получишь пинка. Подойдешь следом из крамлею или найдешь себе жертву, совсем малышку какую-нибудь, или начнешь мешать сестре прыгать через веревочку, или станешь собирать маленькие круглые камешки. Маленькие круглые камешки были ни для чего, просто это была коллекция маленьких круглых камешков.

В один прекрасный день начнешь просить: «Ну дайте равнок!» — и чей-нибудь старший брат, добрая душа, уйд, конечно, не твою, скажет: «Ладно вы, дайте ему равнок кинуть». И вот до невозможности скучный, ты, наконец, играешь в «ножички».

В общем, я научил этих ребят играть в «ножички», и, как знать, не встретил они меня в тот день, может быть, лет через пятнадцать ни пришлось бы обижать игроков в «ножички», как розовую цаплю, например, или странствующего голубя, — но почему же один ребята не могут научить других играть в «ножички»? Что эти ребята делают целыми днями?

Насколько мне известно, они и в «шарики» больше не играют. То есть играют, конечно, но не так. По телевизору даже показывают чемпионат странн по шарикам. Что за чушь! Кто интересуется, кто будет чемпионом страны по шарикам? Гораздо важнее, кто лучший игрок в твоём квартале. И поэтому, у них как-то то дурацкие шарик - с кольцом, нарисованный краской. Был бы об заклад, у них даже письменное руководство есть. В наше время правила

Американский писатель и драматург Роберт Поль Смит однажды обнаружил, что ни его собственные дети, ни их приятели понятия не имеют о тех играх, в которые играл он сам, когда был ребенком. Больше того, ему показалось, что нынешние дети даже к жизни относятся по-другому, и, живяши ими как-то чудно в его детстве, мы там не понять друг друга. Не то что они не стали бы там друзьями, а просто прошли бы мимо, как проходил мимо дерева или камня... Так ему показались яичные. И тогда он написал книгу со странным названием: «— Куда ты ходил! — Гулять. — Что ты делал! — Ничего».

игры были выписаны у ребят в голову. И заканчивались они в том, что, как только земля ответит, любой нормальный парень по дороге из школы или на перемене ставит левой ладью под углом сорок пять градусов и землей и обходит его правой ногой до тех пор, пока не получится определенного размера лунка. Ее не нужно было измерять. Мы все знали, какого она должна быть размера. Я мог бы сейчас выйти на улицу и сделать точно такую лунку. (И я сделал. Получившись в точности лунка для шарика. Носком ботинка я провела черту на определенном расстоянии от лунки. Опять же оно не измеряется в футе. Это именно то расстояние, на котором черта должна находиться от лунки.) Затем надо было встать у этой черты и снизу кидать шарик в лунку.

Шарики носили в специальных мешочках, сшитых по твоей просьбе мамой, и кляли их обычно в один карман, потому что каждому нормальному мальчишке нравятся, чтобы у него карман отпортировался. Взрослые впадают на, что мы не должны превращать свое увлечение в азартную игру, но это была еще одна чушь, неподходящая той, про отцов-друзей. Как-то раз я задался мальчишкой по имени Чарли Пальеро сто сорок четыре шарика. Он играл со мной, пока у меня не осталось ни одного, тогда он отдал мне кредит, и я все уравнивал и уравнивал свою дог. Прежде всего надо усмирить себе, что такого количества, как сто сорок четыре шарика, не существует в природе. Ну двадцать еще наберется. Ну, с помощью друзей тридцать шесть. Иан, если согласится до конца жизни быть в кабале у мальчишек совсем киварвал, ты получишь штук шестьдесят. Но Чарли грозился отрезать мне голову пополам, а нож у него был бы бойскаутский, потому что Чарли не был бойскаутом. И я не сомневался, что он это сделает. А глупость, я верил, что Чарли верит, что он это сделает. Я до сих пор в это верю. И вот идешь, бывало, к матери и говоришь: «Я должен Чарли Пальеро сто сорок четыре шарика». А мать говорит: «Я перепреждаю тебя, не увлекайся. Идешь и отцу: «Я должен Чарли Пальеро сто сорок четыре шарика». Отец говорит: «Сто сорок четыре? Ну так скажи ему, что ты переселенца свои возможности».

Идешь к своему лучшему другу. Он верит, что Чарли Пальеро отрезал тебе голову. Он дает взаимный три стекляшки шарика и один металлический, который, насколько я помню, был равноценен пяти стекляшкам, а больше шестидесяти, если, конечно, парню, с которым ты заключал сделку, нужен металличе-

ский шарик. Два выпуска «Юных союзников», коробка из-под глаз, каменные уверения, что ты будешь до конца жизни делать за Чарли письменные уроки, да еще двадцать центов наличными — я вы в расчете.

(Мне кажется, что Чарли Пальеро жив и, может быть, даже один из столбов общества. Вам он, наверно, напоминает тех ребят в черных кожаных куртках и мотоциклетных плащах, которых теперь так много развелось. Но вы ошибаетесь. Отрицать, что он был хулиганом, с моей стороны нечестно. Нечестно было бы и отрицать, что иногда мы бросали камнями, целая прямо в голову. Я был далеко не силен и по возможности набалбас драки. И тем не менее драка на моем счету более чем достаточно. Но Чарли не замыкался на меня попом, да и вряд ли он на кого-нибудь замыкался попом; камне бы сорыл между нами ни происходил, я не помню, чтобы кто-нибудь из ребят ударил другого чем-либо, кроме как кулаком или ногой. Но времена меняются.)

Может быть, мне уже много лет, но в некоторых вещах я разбираюсь сейчас куда меньше, чем когда был мальчишкой. Все, что мы знали в то время, что узнавали от других ребят, не было ни абсолютной истиной, ни даже чем-то в высшей степени верным, это не было доказано ни наукой, ни опытом, ни обзори. Это просто было именно так. Мы были дикарями, мы находились на той стадии развития человечества, когда земля стоит на месте, а все остальное вращается вокруг нее. Я писал на обложке учебников, как, вероятно, все мальчишки на свете, в том числе и Джеймс Джойс, и Эйб Лиональ, и, я уверен, Микеланджело, в нисходящем порядке свое имя, свою улицу, свой город, свой округ, свой штат, свою страну, свой континент, свое полушарие, свою планету, свою солнечную систему. И не будем хвастать душой, все начиналось с меня; из числа концентрических кругов вселенная была внешним кругом, а центральной точкой был я, всматривая в свои таяемые промокшие ботинки шестидесять два фунта (38 кг). Мне кажется, но, может быть, я и ошибаюсь, что ребята сейчас так не думают. Это еще и потому, что мы, взрослые, постоянно начинаем наших детей прописными истинами. А им нужна не наука. Им нужно волшебство. Им нужны не гипотезы, в неопровержимых доказательствах. Странная штука: насколько я помню, никто не заблуждался о том, что происходит у нас в голове, и, как видите, все обошлось. Наступала момент, когда мы обнаруживали, что на самом

прыгают под теплым дождем. Тогда это разрешалось детям.

Можно было найти своего лучшего друга и отправиться в далекую прогулку, подкидывая носком ботинка консервную банку, а потом сестра где-нибудь, прислонившись спиной к изгороди, смотреть на небо и размышлять. То же самое можно было делать и одному, но тогда это было бы совсем скучно. Поэтому сколько мне было лет, когда я обращался к кому-то за разъяснениями, мне все казалось, что эти удивительно мексиканские птицы не что иное, как дефекты в моем главном яблоке. В общем яблоке! Очень долго, все детские годы, небо кажется полным чудес, а эти слухачи, конечно, неслухачи. Но когда я вырос, и небо стало бесплодным, по скольким мне можно пройти, то животинке, которые живут в воздухе

Ложиться бывало, спать, берешь большую палку правой рукой левой рукой, правую руку зажимаешь за голову и держишь ею мочку своего уха — чтобы пропереть, проснешься на следующее утро в той же позе как и ты. А то, бывало, сидишь с своим другом на заднем крыльце и записываешь в бутылку из-под молока кусочки лапчатки, какое-то лекарство, которое его мать выморосла, разбавляя алтеичку, немножко сахара, немножко пшшу, дольку шokolада, ложку малинового желема, железку, немножко итчула, кусок резинки, янтарную краску, выпрошенную у сестры, потом залезь все это водой и молоком, взбалтает и предлагает друг другу отпить. Попробуем, скажем, вкусно, а это и правда вкусно.

Видите ли, нам никогда и в голову не приходило, что ничего не делать — это плохо. Теперь же, стоит увидеть, что ребенок лежит, уставившись в потолок, начинают беспокоиться, не случилось ли с ним чего.

— Угу, — буркнул отец.

— Мам, знаешь что? Братишка Теда
Фенстера ест земаю.

— Ну да! — удивится приятель. — Землю? Настоящую? Ты уверен?

Их меня и моих сестер не било. Зато помню, как другие приходили в школу и с гордостью рассказывали, какую порку задали им отец. И когда они рассказывали, как, несомненно, было даже завидно: ведь теперь они обрели полную свободу. Ветер раскрыла свои карты, и ребята даже не задавали вопросов, почему отец прав. О прав, потому что сильнее. Значит, надо тоже стать сильнее, и тогда посмотришь, как с кем сидят А пока поможайки. И не думайте, пожалуйста, будто мы, дети, не знали, что, хоть отец тебя и выпорол, на самом деле проиграл-то он, потому что теперь его мучают угрызения совести и из него можно артевья вить

Мне попаало один-единственный раз. Сестра лежала на полу и читала какую-то смешную газету. Это было в воскресенье. Я же ходил по дому и искал кого-нибудь, кто почитает мне эту же газету. И тут я вижу ее. Нечаянно я наступил ей на руку, и она скрикнула: «Ой!» Отец шлепнула меня. Не потому, что я наступил ей на руку, а потому, что не извинился. Не извинился же я потому, что знал, что сделала это не нарочно. А в те времена это считалось уважительной причиной! Если ты делала что-нибудь нарочно, ты должен извиниться, если случайно — смеяться по поводу правды или совести, это делало только на твоей совести.

Ребенком я читал рассказы Дана Бьюнда о бойскаутах, всего Киплинга. Как мы странно, меня никогда не интересовали так называемые «детские» книжки. Помню, мне читали какую-то науру «Бобби и большая дорога». От нее, наверно, к пошам все эти теперешние сосиски про лодыжки мишек. Это продолжалось до тех пор, пока мы не открыли Жюль Верна. Затем дядя подарил мне полное собрание сочинений Марка Твена — и теперь я был обеспечен до конца жизни. Я начал с тома I и прочел все двадцать. Придя к выводу, что лучше этого ничего быть не может, я снова взялся за первый том. С тех пор так и читал, один том за другим.

В мое время в школе практиковалось несколько видов наказаний. Первое — оставление после уроков. Второе — отправка в раздевалку. Третье — ямок в кабинет и директору. Четвертое — вызов родителей. И пятое — не знаю, как называть. В общем, тебя не пускали в школу, пока ты чего-то тебе не сделал. Дома ты при этом тоже не мог оставаться — попадал от родителей. Это было самое тяжелое наказание.

Возьмем, к примеру, второе наказание —

раздевалку. Меня, разумеется, отсылали туда несправедливо. На свете не найдется учителя, который отправил бы в раздевалку действительно виновного Итэка, заняться там было абсолютно нечем. В углу я разгладил хоборку с мелом. У отовднулку крышку. И ЗНАЕТЕ, ЧТО: мела там не было и в помине. Она была доверху наполнена НОЖАМИ.

Сейчас объясню.

Если ты в школе вынул из кармана нож и учитель это увидел, считай, что ножи у тебя больше нет. Я же проска у родителей всегда лишь одну вещь: нож. Мне было бы куда приятней сказать сейчас, что я поборо искушение, но должен признаться: я стащил нож без малейших колебаний, с радостью сунал его в карман и за все сорок с лишним лет, будучи человеком совестью, ни разу не испытал раскаяния. Я встал то, что мне принадлежало по праву.

Я хороший отец и исполнительный муж. Жена у уже шестнадцатый год. Я страд пеленки и давал детям аскариду, я радовался с ними и слушал их, я купал их и укачивал, я ходил с ними плавать и возна их на закорках, и мне кажется, что я очень хорошо их знаю. Но спросите меня, в каком они классе, какого цвета у них глаза, какой рост у моей жены, я не отвечу. Если же мне интересно, как выглядел этот нож, я могу дать совершенно точное описание..

Когда-то, на заре моей юности, светлые административные головы додумались не оценивать знания детей по 100-балльной системе и даже не ставить им «отлично», «хорошо», «способственно», «плохо», а сделать только две оценки: «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». Мой табель отличался редким однообразием. У меня было «удовлетворительно» по всем

предметам, кроме одного. Из месяца в месяц чистописанное — «неудовлетворительно». Мама просматривала мой табель, умоляла писать чище и подписывала. Эти отграничивавшие связь моих родителей со школой. Затем в один миг все изменилось. Началась всякие «всегда удовлетворительно», «вполне удовлетворительно», «почти удовлетворительно», «более или менее удовлетворительно» и тому подобное рукодавание. Затем пошли: «мог бы учиться лучше, если бы старался» или «делает успехи». И лишь наредка — «очень хорошо». Эта скупая похвала нам, признаться, нравилась. Ведь она исходила от врага. Не то что слащавые замечания, которыми испещрены табели моих ребят, вроде «хадит с коллективом», «хадит с коллективом» (нам неизвестно), «хадит с коллективом» (нам неизвестно) общественной жизни. У нас в отношениях с учителями была полная ясность. Если нам удалось заставить учителя признать, что мы успеваем хорошо, значит, мы действительно успеваем хорошо. Вряд ли мои дети могут поклясться, как у них идут дела на самом деле: они купаются в таком сладком успокоительном сиропе, что убедить их в том, что они достигли каких-то необыкновенных успехов, можно лишь с помощью самота из двадцати четырех орудий, а в обратном — не иначе, как посадив в тюрьму. А прочем, я думаю, они знают, как мы со свойственно всем детям, когда их хвалят. Они-то знают, даже если мы не знаем, стоящие они люди или нет.

Но главное, чем отличалось наше детство от детства нынешних ребят, это то, что мы проводили очень много времени, ничего не делая. У нас было такое занятие: «просто так бегать». Это вовсе никакая не игра. Может, мы все были намотаны кинематографом, но большую часть времени мы просто так бегали.

Нам нравилось набабать, как строят дом, как ремонтируют машину, как другой мальчик ставит заплатку на шину велосипеда. Мы смотрели, как мужичины роят канавы, вазируются на телефонные столбы — я до сих пор слышу скрежет «кошек» по железу, смотрела, как пригибаются посевы, как работают чистильщики обуви, как наши отцы играют в карты, а матери варят варенье. Мы обматывали друг друга бечевой, ремнями, веревкой. Мы сидели в лужайке; мы сидели под крыльцом; мы сидели на крыше; мы раскачивались на ветках. Мы стояли на досках, перекинутых через котлован; мы стояли на куче листьев, мы стояли под кизирком, откуда нам за шаворот стекали струйки дождя. Мы разгладывали перочинные ножи, шарики, земляные орехи, кузнечиков, облака, собак, людей. Мы прыгали, скакали на одной ноге, носились галопом — просто так, без всякой цели, прыгали, и все. Мы плали свистела, горлачили. Мы ничего не делали.

Бывало, что я был счастливым, как теперь скажут мои дети. Но мы не знали этого слова. Теперь я хорошо знаю, что такое счастье.. Никогда больше я не увижу такую красивую полосатую ленточку, какая была у моей сестры. А разве может быть что-нибудь вкуснее кукурузных хлопьев «Сельский джентльмен»? Или интересное, чем сделать на тарелке из пюре горо с кратером и налить туда подливу? Ни одна книга на свете не будет больше начинаться «Том!» — Нет ответа. — «Том!» — Нет ответа. Никогда у меня не будет таких друзей, как тогда, и мне никогда больше, я уверен, не найт наконечника для стрелы.

А теперь я попорчу вас меня называть: мне позарез нужно поспидать на ступеньках и понаблюдать за некоторыми растениями.

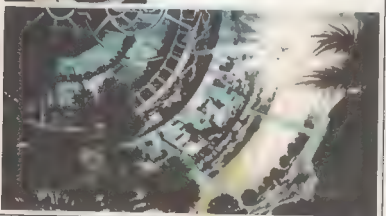
Перевела с английского М. КРИГЕР

ГОРОД НА ОРБИТЕ?

Есть такая точка в космосе, где силы притяжения Земли и Луны находятся в равновесии. Ученые называют ее Лабрейерс-5, или, более фамильярно, J-5. Под этим же сокращением известно международное научное общество, занимающееся разработкой проектов космических станций.

Американские ученые полагают, что уже через пятнадцать-шестнадцать лет человечество будет в состоянии построить станцию на десять тысяч человек. Ее проектируют из различных материалов — алюминия, титана и прочих металлов, считают они, да и Луна. Характерной чертой проекта является создание на станциях земных условий жизни — городов и поселков с магазинами, кинотеатрами, просторами и живописными местами отдыха, с привычными для человека видами пейзажа — скамейками, дорожками, озерами.

Один из проектов представляет собой два цилиндра, обращенных вокруг общей оси. Диаметр каждого цилиндра — километр, радиус — два метра; период обращения — 21 секунда.

СТРОГОЕ ЗЕРКАЛО ВОСПОМИНАНИЙ

«Зеркало моих воспоминаний» — называется мнига немца Ханса Марк, вышедшая недавно в Париже. 63-летний актер пишет: «Настала моя пора оглянуться. Что ж, я был тщеславен, ленив, заносчив и дурным. Слегка пришла ко мне скорее благодарная моя внешность и мастерству маскера, чем моему таланту. Теперь я вижу — когда люди восхищаются смеелостью, они перестают обращать внимание на талант».

Но для такого признания мало раз нужна смеелость. Кто-то, может быть, скажет, что актер, блестяще сыгравший и благородного графа Монте-Кристо, и буффона «Орфея» Никто, неконстатирует с публикой. Вряд ли. Горечь этих слов, пожалуй, говорит о другом — о том, что талант обычно строг к себе; о том, что человеку в старости (хотя и на Марк старенький) нередко кажется, что все можно было сделать лучше. Много лучше!

КЛУБЯТСЯ КЛУБЫ... То и дело поступают из Англии сообщения об образовании новых клубов, объединений, союзов, ассоциаций, обществ и групп. Говорят, достаточно двоим сойтись на любом пустыре — и вот, пожалуйста, еще одна общественная организация. Конечно, есть и более солидные организации, такие, как «Общество мужей, которых были жены» (и наоборот), «Союз помешанных детей», «Лига женов, играющих в крикет», «Ассоциация любителей темного пива» и пр. Так вот, последним, официально зарегистрированным объединением стал «Клуб королей красоты». Речь идет о «королевах»,

выбранных на, так сказать, рядовых форумах — районных, городских, графских и пр.

Программа деятельности клуба пока еще не ясна, но, говорят, он будет заниматься в основном одним хитрым вопросом — устройством жизни «королев» среди массы простых смертных. Пока же на учредительном заседании, которое вел сам председатель, некий Дэвид Бергер, был решен один немаловажный вопрос — о клубной одежде. Решено было, что во время заседаний «королевы» будут в строгих пляжных костюмах.

УТРЕННИК В ЧИКАГСКОЙ ШКОЛЕ

В одной из чикагских негритянских школ проходило торжество: дети, вызванные у матерей своим умением и талантом, выступили на сцену, исполнив и пугая слова все как обычно, как на любом утреннике в любой школе мира. Необычным было лишь то, что читали со сцены не дети. А читали они свои письма адресованные чикагским бизнесменам и городским властям. Вот письмо восьмилетнего Билла Хорриса: «7-8 лет я очень вас люблю, представляю мне к этому времени какую-нибудь работу, а то мой старший брат уже полгода без работы». Всего таких писем было 500. Дети сами их написали. Никто не учил. Муниципалитет не остался глух к детским просьбам, детям торжественно обещали в будущем помочь во всяком. Не первый раз за последние десятилетия — что бы властям скрупулезно, отчетливо не поощрять? Так ведь посмотрят не то что взрослые, дети засмеют при этом масштабе безработицы.

НЕПРОСТОЕ ДЕЛО — ПРИЧЕСКА

Причуды моды — скандалы, войны, беспредел, ширяны штаты и галстуки, замаскированность причесок и все такое прочее случалось верой и правдой не для одного поколения художников и натуралистов. Но на этот раз в «Парижской» теме обрисовался особый вид парикмахерского возмущения на серию моды, возмущенную Министерством транспорта и коммуникаций. В самом конце 1975 года, когда был, как известно, годом желаний. Вот какие традиционные принципы предлагали представители моды: «Восхищение народностью Африки» — не так ли? Вообще же призывали к сохранению самобытности национальных культур народов страны — от африканцев до галлов, от тигров до сомалий — после смерщины моды стали удерживать существование знаменитых. Недавно на конгрессе выяснилось, что лавина моды выросла всего лишь первая и что в дальнейшем нас ожидают новшества, не менее интересные фактически и этнографически знакомства.

АВАНГАРДИСТЫ АВТОМОБИЛЬНЫХ ОТХОДОВ

Про архитектуру говорят, что это музыка, застывшая в камне. Менее красиво, но, быть может, более точное определение архитектуры — «высказанные в камне мысли общества о себе самом».

Случайно ли, замечают искусствоведы, представления Америки о себе нашли выражение в гигантских небоскребах, в которых «читается» не только мощь, но и стремление поддаться, продиктовать всем и вся свою линию, свою точку зрения.

Но есть в Америке и другая архитектура, как есть и группы, не приемлющие философию и нормы истеблишмента. Часто эти группы малочисленны и развитие их мыслиш далеко от основного русла критики, но даже такие «окраинные» поиски обуславливают протестность того, что принято называть «американским образом жизни».

Недавно во Франции состоялась выставка фотографий необычных домов, созданных в последние годы в США. Тут были не только дома из новейших материалов — главная часть выставки рассказывала о домах «брошенных городов», основанного в 1965 году двумя художниками штата Колорадо. Дома там собирались из плоскостей машин, выброшенных на свалку. Этот «город» из отходов, эта «камера обитания» американцев стали своеобразным выражением борьбы молодых против экологической угрозы.

И СНОВА МАУГЛИ...

Когда в печати появляются сообщения об очередных Маугли, за ними привычно следует опровержение — как правило, Маугли оказываются самозванцами. Но на этот раз в Бурунди, по-моему, наши настоящего — новый Маугли, мальчик семи лет, жил в стаде обезьян-бандеров. Сейчас мальчик находится под наблюдением врачей, которые осторожно принимают ему необходимые медицинские навыки, — из снимке вы видите, как он учится открывать дверь.

Врачи говорят, что Маугли — ученик мышления и что ему повезло, поскольку бандеро не читали Киплинга, — по-иному, как вы помните, имени, но они были злейшими врагами всемирного волчицы ребенка.

РАВНОПРАВИЕ. Жители и особенно жительницы Австралии часто возмущаются тем, что ученые называют таффуны исключительно женскими именами. Министр науки Уильям Моррисон согласен с ними: «Ответственность за убийства, причиняемые таффунами, должна ложиться на представителей обоих полов». Откуда же взялась эта «несправедливая» традиция? Еще в конце прошлого века бюро погоды штата Канзас начал называть таффуны именами известных политических деятелей. Политики, конечно, обиделись. Пришлось перейти на имена их жен, а потом и вообще на женские имена. Как известно, дурные примеры заразительны, и вскоре эта практика распространилась по всему белому свету.

ПРОФСОЮЗ ПРИ ДВОРЕ

И не при каком-нибудь, а королевском. Профессиональный союз, куда вошло 50 человек (камердинеры, горничные, повара, телеграфисты, шоферы и прочий обслуживающий персонал), был образован недавно при дворе датской королевы Маргарете. Избранным председателем профсоюза сервант королевской гвардии Генри Ульstrup на первом общем собрании заявил, что будет вести решительную борьбу за сокращение рабочего дня и модернизацию помещений для отдыха.

Впрочем, как пишет журнал «Штерн», гвардецу будет трудно разноречиво: по закону бастовать придворным не положено.

А ЧТО РИСУЮТ?

(по следам Зимней олимпиады)
Тема вольных видов олимпийских соревнований. Я уже пять лет слышу «вертушки вольные», но где артисты исполняют?

«Зурлово», Италия

АЭРОПОРТ

Первая аэрофотография международного аэропорта. Пусть не удивляет вас его пустынность — все-таки это Южный полюс. Пусть не удивляет вас легкий налет стюардессы — это всего лишь мажорант.

Другое дело, что нас давно уже не поразит, что вот уже 20 с лишним лет в Антарктиде царствует жестокий холод, идет постоянная работа. Ученые 12 стран объединили свои усилия и в 1955 году — Международного геофизического года — ведут наступление на тайны шестого континента. Конечно, Антарктида от нас «за семью морями», но это вовсе не значит, что она вне нашего мира. Судите сами: 95 процентов территории Антарктиды покрыто льдом, средняя толщина которого достигает двухсот метров. Подсчитано, что общий объем запасов льда составляет 30 миллионов кубических километров. Если бы весь этот лед внезапно растаял, уровень Мирового океана поднялся бы на 60—80 метров. И чему эти цифры? А к тому, что Антарктида — бесценный для нашей планеты резервуар пресной воды.

Множество загадок хранит Антарктида. Немало открытий было уже сделано там. Историю, одно из них — не новое, но вновь подтвержденное — о плодотворности мирного сотрудничества стран и их ученых во имя общечеловеческого прогресса. Там, что не случайно Антарктида стала международным аэропортом.

КТО ВИТАЕТ В ОБЛАКАХ?

В небесах нынче тесно. Не только от самолетов и вертолетов. В таких странах, как Франция, Австралия, Швейцария, все популярнее становятся полеты на змеях. Быть может, скоро в моду войдут и такие вот парные полеты, пока же это эксперимент — и прежде всего для одной пары. В воздухе жених и невеста: швейцарцы Мариус Гислер и Отто Хошфелтер, как и положено влюбленным, начинают совместную жизнь на высоте. Точнее, на высоте 2600 метров.

Вызвучив жила-была малышка... Он родился на бумаге под пером шведской писательницы Марии Гриппе в 1957 году. Его звали Хуго. Так называлась и книга — «Хуго».

Потом родилась девочка Жозефина. Это опять была книга.

Потом Жозефина не смогла жить без Хуго, и это стало книгой «Жозефина и Хуго». А потом была речь Марии Гриппе, произнесенная ею 25 октября 1974 года в Рио-де-Жанейро по случаю вручения ей премии международной награды в области детской литературы — медали имени Ганса Христиана Андерсена.

Вот так было все просто, если говорить об этом коротко. А как это происходило в действительности, рассказывает сама Мария Гриппе.

О
я прекрасно знаю, что есть множество моих коллег, которые пишут так же хорошо или даже лучше меня. Так что я далека от обольщения, будто я лучше всех, просто мне повезло. Вообще мне кажется, что в получении премии есть большой элемент удачи.

С Андерсеном же у меня сложились особые отношения. Я, по существу, росла вместе с ним. В семье мы называли его просто Г. Х., и наша жизнь была неотделима от него. Все шло от отца, по убийственному заслуживал звания «автора», а то время как остальные были всего-навсего «писателями», а между этими двумя категориями была огромная пропасть. Всякий может стать писателем, но не автором! Их всего горстка избранных — но Г. Х. на голову превосходил даже других авторов.

Отец не жалел сил, чтобы втолковать нам это, и, поскольку никто из детей не собирался стать писателем, мы приняли отцовские слова на веру.

Правда, я уже тогда немного полисывала — всякие пустяки, которые ни за что на свете не осмелилась бы никому показывать. Я записывала их в обычные голубые тетрадки, которые покупала по дешевке у школьного сторожа. Тетрадки имели несколько достоинств: они не привлекали внимания, их легко было спрятать в школьные учебники и их легко было изорвать в клочки. Когда тетрадь наполнялась, я пыталась прочитать ее, но уже на середине начинала срывать и срывать, и дело неизменно кончалось тем, что я в сердцах рвала тетрадь и выбрасывала в корзину для мусора.

Вот почему до сих пор не могу понять, как могло получиться, что в один прекрас-

ный день я оставила тетрадку на самом видном месте. Непростительная беспечность! Оставив ее на столе в прихожей, я выбежала за дверь.

Первым, кого я увидела, вернувшись домой, был отец. Он стоял перед зеркалом в прихожей, и свет от лампы с потолка падал на раскрытую тетрадь, которую он держал в руках.

У меня замерло сердце, но я не посмела издать ни звука.

К счастью, в тетради были написаны лишь несколько листов, кажется, это были рассуждения о птицах. Отец листал страницы и читал... читал...

Я стояла в страхе и надежде и беззвучно ожидала приговора.

МЕДАЛЬ ЗА ПАМЯТЬ О ДЕТСТВЕ

Мария ГРИППЕ,
шведская писательница

Наконец он поднял глаза — в отца было шесть футов и шесть дюймов, а в я еще была коротышкой, — и в зеркале встретился со мной взглядом. Глаза у него были большие, темно-синие, и он уставился на меня с мягким сожалением. Я съезжилась, точно помню, что я стала еще меньше, чем была на самом деле.

Отец все молчал, качая головой, наконец открыл рот.

— Ужасная дребедень, дорогие! — произнес он.

И тут же добавил кратко, но очень дружелюбно, что никто и никогда не должен браться за перо до тех пор, пока ему не о чем писать. А мне лучше бы употребить время на более полезные занятия, например, привалясь на родной шведский язык и, по крайней мере, научиться элементарно выражать свои мысли к тому времени, когда в будущем у меня появятся нечто такое, о чем стоит писать. Впрочем, по лицу его было видно, что он весьма сомневался на этот счет.

— Вот Андерсен — ему было о чем писать, можешь мне поверить! — воскликнул отец. И должен был признаться, тут он был совершенно прав.

Когда прошедшей весной мне сообщили, что я удостоилась медали Андерсена, моей первой мыслью было: «Как жаль, что отец не дождал до этого дня! Как бы он гордился мною!»

И в глубине души у меня возникла вздорная надежда, что отец как-нибудь узнает, что его дочери присудили премию имени Г. Х. Андерсена.

Но затем меня охватили сомнения. Действительно ли отец был бы рад и горд! Нет уж... может, оно и к лучшему, что он не узнает...

Но если он все-таки прознал об этом на небесах, то, наверное, поспешил к Г. Х. Андерсену, чтобы извиниться за мою неслыханную дерзость и сомнение, за

то, что получают здесь медали, которая носит его достоянием, для да еще несут по этому поводу всякий вздор. Какое бесстыдство, какой конфуз! Просто трудно в это поверить...

Отец, дорогой, прости... Я тут ни при чем... Помнишь, я послушалась, когда ты посоветовал мне обходить до тех пор, пока не будет чего-то стоящего, о чем писать.

Да, я послушалась тогда, хотя и сделала это по-своему. Обдумав все, вот что я решила...

1) Чтобы совершенствоваться в шведском языке, мне, конечно, необходимо практиковаться!

2) Чтобы практиковаться, нужно на чем практиковаться.

3) Единственный для этого способ — продолжать писать, с той лишь разницей, что теперь я делаю это исключительно для практики в шведском языке.

Мне казалось, что во всем этом была несомненная логика. И тем не менее с годами я писала все меньше и меньше. Помеи!

3) Чтобы снова отдавать себе отчет, что мне почти нечего сказать людям. Отец был прав.

И я забросила свои голубые тетрадки. Но прошло время, у меня родилась дочь, и все снова вернулось. Помню, с какими интересными ждала я дня, когда мы сможем начать рассказывать ей сказки. Я готовилась к этому и думала, что уж теперь, во всяком случае, у меня есть для кого писать.

Шло время, и моя дочь начала вырасти, прежде чем я додумалась до того, о какой самой важной вещи мне следует написать.

Вам, наверное, не придется узнать, что же это за редкая и пушистая птичка. Для таких случаев у оратора должно быть припасено некое откровение аудитории. Но то, на что в конце концов я наткнулась, было столь простым, что я до сих пор не могу понять, почему не это открылось у меня ушло так много лет жизни.

Я внезапно поняла, что дети и взрослые во всем мире не одинаковы. К моей безграничной радости, мне стало очевидно, что нет так называемых «простых» людей, что при ближайшем рассмотрении все мы разные, с нашим собственным набором уникальным опытом. Один день непохож на другой, одно, пусть самое крошечное событие значит не одно и то же для вас и для меня. Не нам судить о важности нашего опыта: то, что не имеет значения для вас, может быть великим для меня и наоборот. И нам просто необходимо иметь возможность делиться своим опытом. Что может быть прекраснее, чем смеяться вместе или вместе грустить! Жить вместе, знать друг друга, ставить себя на место другого — вот в чем счастье! И при этом всегда чувствовать и ощущать, что вы — это вы, а я — это я: у вас своя жизнь, у меня своя. Где-то в глубине собственного «я» мы, возможно, и одиноки, но никогда не покинуты; ибо мы можем быть вместе здесь, теперь, пока мы живем...

Для наших детей чрезвычайно важно испытывать подобное единение уже с ранних лет, видеть, как сильно мы нуждае-

ся друг в друге. Не только они, дети, нуждаются в нас, взрослые, но и мы тоже! Нам так сильно нуждается в них, они не только принадлежат нашей жизни, мы нуждаемся в них как в личности. Книги — превосходное средство для детей почувствовать эту нашу взаимозависимость.

Я знаю многих взрослых, которые утверждают, что забыли свое детство. Оно для них — затонувшая Атлантида, потерянный мир. А еще для многих детство было лишь коротким совпадением. Время от времени оно всплывает в них, и это всего лишь беспорядочные обрывки, которые для этих взрослых и реальных людей представляются бессмысленными. Многие, вспоминая детство, испытывают неудобство, неловкость; то было для них неприятное время незрелости, которое, слава богу, навсегда миновало, уступив место зрелости, мудрости и здравомыслию.

Другие считают, что их детство было несчастным, так что лучше его не вспоминать. Лучше идти вперед и не оглядываться, не впадать в сентиментальную ностальгию. И это верно, я тоже не была сентиментальна. Но — счастливым, либо несчастным — детство, как правило, единственное место нашей встреч, единственная ситуация в жизни, где мы можем встретить друг друга, друг друга понять; детство — это то, что является чем-то общим для всех нас; площадка для игр, после которой пути расходятся и мы становимся инструментами и жертвами друг друга в бесконечном калейдоскопе общественных механизмов.

Трагично то, что всегда были и по сей день в мире есть люди, у которых нет детства, потому что все их жизнь сводится к одному: к борьбе за существование. Но у кого оно было, тому негине забывать его. Где нам тогда встретиться, если мы забудем его!

Буду искренней до конца. Я не была совершенно счастливым ребенком, но и несчастной тоже не была, а у меня было примерно так, как у большинства детей. Тем не менее детство было почвой, фундаментом жизни, из которого я, к счастью для себя, до сих пор могу черпать силы. Кстати, я верю, что наши голубые тетрадки — невинные черты прямо связаны с ответственностью между различными стадиями человеческой жизни. Если такой ответственности нет, то человек, по моему мнению, терпит устойчивую и бархатистую в пустоте.

Возможно, это звучит как парадокс, но, если лишится людей подлинной «детскости», они становятся инфантильными. Детскость в нас — это, по-моему, та наша часть, которая растет, живет, шьет; часть, которая находится в неспящем состоянии; та наша часть, которая отражает изменяющуюся действительность. А инфантильность — это прекращение роста, нечто вышедшее, сморщенное, бесплодное.

Подлинная детскость покочится на воображении, на вере в подлинность воображаемой жизни, которая столь же важна, как и невдуманная жизнь; без такой детскости мы перестаем быть людьми.

А инфантильность боится фантазии как чумы. «Отстраняться от действительности» — говорит себе инфантильный человек и в ужасе крестится. А ведь правда как раз в противоположном подходе: нужно жить и уметь видеть в жизни позитивные стороны!

Без воображения невозможно стать полноценным взрослым человеком.

Инфантильность становится сейчас огромной опасностью. Стремление к власти инфантильно. Эгоизм инфантилен. Сексуальная история инфантильна. Злополучные «протестные» суррогаты парализуют инфантильность. Они эмоциональные калены, которые играют до сих пор, потому что не научились вовремя играть серьезно, как играет ребенок; возможно, что в детстве у них выжили из рук настоящие игрушки. Вот почему они утратили человеческий облик.

А теперь я скажу о том, как я рада. Несмотря ни на что! Мой отец может думать, что угодно, да и Г. Х. Андерсен тоже. А я очень рада. Сказать по правде, я не думаю, что смогу решиться на такое долгое путешествие. Это казалось невероятным предпринятием. Я сидела дома, в Швеции, в старом в лесу домике под небом, усыпанным самоуверенными и чистыми шведскими звездами; на столе горела парафиновая лампа, и одна мысль о путешествии в другой конец света казалась чрезвычайно опасной и неуверенной. Кстати, и Андерсен не очень любил уезжать из дома и легко понял бы мои сомнения.

Когда в 1835 году ему представило впервые покинуть родину, ему было ни много ни мало тридцать лет, но он был совершенно и твердо уверен, что никогда не вернется из этого путешествия в неизведанное. Из предосторожности перед отъездом он сел и написал автобиографию, в которой подробно рассказал про свое детство, юность и всю историю своей жизни, так чтобы потомки не оставались в наведении относительно его замечательного детства.

Он знал, что делал, знал, что детство надо ценить и ценить правые всего! После этого можно ехать куда угодно.

У меня же не было времени написать историю своей жизни. А мир, понятно, стал куда опаснее, чем во времена Г. Х., так что вам нетрудно понять мои опасения.

Но теперь я чувствую себя совершенно счастливой оттого, что нахожусь здесь. И в благодарность за все это, обещаю, буду стараться запечатлеть в своих книгах и мое, и ваше детство. Я всегда буду расценивать медаль Андерсена как воздаяние должного нашему общему детству.

Каждый раз, когда ребенок появляется на свет, для нас всех открывается новая возможность, новый мир, новый смысл и цель, новая эра...

Посмейте же сказать, что у человечества нет надежды! Есть, есть надежда — ее хоть обтесывай!

Перевел с английского В. Р. ПАМЗЕС

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯНОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБИШЕВ, В. П. МОШИНГА, Б. А. СЕБЬКИН.

Художественный редактор О. С. Александрова.
Оформление А. В. Громова.
Технический редактор В. Н. Савельева.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются. Передача материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 18/III 1976 г. Подл. к печ. 21/IV 1976 г. А04864. Формат 60х90¹⁸. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5.2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 491.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦУС ВНИИ «Молдова гвардия», 103930, Москва, И-30, ГСП-4, Суховская ул., 21.

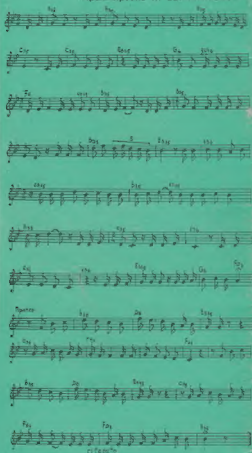

3-20

Эта песня, посвященная 30-летию Словацкого народного восстания против фашистских захватчиков, прозвучала на Сочинском фестивале в исполнении ее автора, чехословацкого певца Карела Зиды. «Я родился уже после войны, — говорил Карел, — в 1949 году. Казалось бы, я мог с легким сердцем не вспоминать о ней. Но я не имел на это права, так как не имеет права забывать о войне и страданиях и о героях наших отцов ни один мой сверстник. У каждого в истории было свое народное восстание, свое освобождение, и, если мы забудем о том дне, мы не сможем назвать себя честными людьми».

ЭТО ДЕРЕВО НАШЕ

Слова и музыка Карела ЗИДЫ
Русский текст Эл. ЛУГОВОГО
Аранжировка Н. СЕРИАНТОВОЙ

Эй, послушай,
Там, за той березой:
Прежде чем раздастся выстрел твой
И взлетят с березы птицы,
Птицы черной стаей —
Пусть от пули той умру,
Знай — ты проиграл игру!

Эй, ты, послушай,
Там, за той березой:
Даже если выстрел твой меня убьет —
Нет тебе спасения
Игра твоя проиграна.
Слышишь, ты, игра твоя проиграна.

Мстим мы за слезы,
За годы мук.
Эти горы — наши,
Это — наши березы,
Все здесь наше вокруг!

ПРИПЕВ:

Слешит с окрестных гор победа.
Мы — ее посланцы.
Даже если в землю ляжем мы,
Если примем смерть в бою,
Потомки не поверят в это.
И войдут повстанцы
С ними, юнцы, отважными,
В грядущий мир
В непобедимом их строю!